«Надсат» в романе Заводной апельсин Энтони Берджесса

Glavaš, Stjepan

Master's thesis / Diplomski rad

2024

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:203624

Rights / Prava: In copyright / Zaštićeno autorskim pravom.

Download date / Datum preuzimanja: **2024-05-19**

Filozofski fakultet
Sveučilišta u Zagrebu

Repository / Repozitorij:

ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences

zir.nsk.hr

dabar
DIGITALNI AKADEMSKI ARHIVI I REPOZITORIJI

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

«Надсат» в романе Заводной апельсин Энтони Берджесса

Student: Stjepan Glavaš

Mentor: dr. sc. Anita Hrnjak, v. lektorica

Ak. god.: 2023./2024.

U Zagrebu, 3. travnja 2024.

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

Nadsat in Anthony Burgess' A Clockwork Orange

Student: Stjepan Glavaš

Mentor: dr. sc. Anita Hrnjak, v. lektorica

Ak. god.: 2023./2024.

U Zagrebu, 3. travnja 2024.

Содержание

1. Введение 1
1.1. Методология исследования 2
1.2. Процесс исследования 3
1.3. Структура дипломной работы 4
2. Основные понятия 4
2.1. Толкование понятия «надсат» 4
2.2. Арго, жаргон и сленг 5
3. «Антиобщество» и «антиязык» 8
3.1. Основные характеристики «антиязыка» 8
3.2. Метафоричность «антиязыка» 16
3.3. Состав «надсата» 18
3.4. «Надсат» как «антиязык» 21
4.1. Семантико-ономасиологический анализ «надсата» 30
4.1.1. Слова «надсата», происходящие из русского языка 31
4.1.2. Слова «надсата», происходящие из остальных языков 58
4.2. Результаты исследования 77
4.3. Анализ образования лексем «надсата», происходящих из русского языка 79
4.4. Анализ результатов исследования 83
5. Роль «надсата» в романе 86
6. Заключение 92
7. Список использованных источников и литературы 94
Sažetak 97
Kratak životopis 98

1. Введение

Данная дипломная работа посвящена анализу сленга «надсат», созданного автором Энтони Берджессом для его романа *A Clockwork Orange* (в дальнейшем «*Заводной апельсин*»). Сленгом в романе пользуются британские подростки второй половины XX века, а его главной отличительной чертой является тот факт, что подавляющее большинство лексем происходит из русского языка.

Главной целью данной дипломной работы является исследовать все лексемы «надсата», происходящие из русского языка, объясняя, каким способом они стали словами «надсата», какая их семантическая особенность, т. е. что ими обозначается, с какой целью и в какой мере писатель их употребляет в анализированном произведении. Дальше, наряду с квалитативным анализом данных корпуса слов «надсата», происходящих из русского языка, в учет будут приниматься и остальные лексемы «надсата», происходящие из других языков, но они не будут анализироваться более подробно, поскольку один исследователь не может надежно анализировать лексемы «надсата», которые происходят из ряда неизвестных ему языков или языков, которыми он не владеет на достаточно высоком уровне.

Что касается гипотез данного исследования, приходится начать с самой общей гипотезы, касающейся выбора слов, которые стали лексемами «надсата». Поскольку популярное объяснение причины употребления любого арго предполагает, что люди пользуются арго, чтобы скрыть предмет речи от остальных людей, основная гипотеза данного исследования следующая:

Гипотеза 1 – Причина, по какой определенное слово становится словом «надсата», лежит в том, что носители «надсата» хотят скрыть предмет речи от остальных людей. Носители «надсата» не хотят, чтобы посторонние люди понимали то, что они говорят, поэтому подростки используют лексемы «надсата» вместо именно тех английских слов, которые для подростков имеют большое значение, так как касаются самых важных аспектов их повседневной жизни.

Следующие гипотезы более конкретные и они уточняют основную гипотезу.

Гипотеза 1а – Подавляющее большинство слов обозначает людей и объединения людей. Поскольку члены «антиобщества» «надсатов» в основном все лица мужского пола, многие слова, обозначающие людей, используются для обозначения лиц женского пола, причем они представляют собой разные типы женщин.

Гипотеза 1б – Поскольку «антибощество» «надсатов» занимается незаконными делами, многие лексемы обозначают названия преступлений или совершение преступных актов, представителей закона или виды наказания.

Гипотеза 1в – Поскольку члены криминальных группировок часто употребляют алкоголь или наркотики, многие лексемы «надсата» обозначают разные виды наркотиков, алкоголя или других вызывающих привыкание веществ.

Гипотеза 1г – Поскольку многие криминальные группировки имеют определенную структуру и иерархию, некоторые лексемы «надсата» обозначают разные виды преступников и их взаимоотношения внутри криминальной иерархии.

Гипотеза 1д – Значительное количество слов «надсата» посвящено обозначению денег и способам их зарабатывания или траты.

1.1. Методология исследования

Касательно методологии, которой мы пользовались, надо сказать, что основными источниками были оригинал романа *Заводной апельсин* (2000), глоссарии «надсата», созданные Стэнли Хайманом и Эндрю Бисуэллом, а теоретическая рамка, на которую мы опирались, состоит из исследований «надсата», проведенных Андреей Ириной Суциу и Михаелой Цулеа, и Бенетом Винцентом и Джимом Кларком. Кроме того, вышеупомянутые глоссарии и исследование А. И. Суицу и М. Цулеу послужили в качестве важнейших источников лексем «надсата», поскольку глоссарии С. Хаймана и Э. Бисуэлла содержат совсем много слов, а исследование А. И. Суицу и М. Цулеу проведено на основании списка слов из глоссариев Э. Бисуэлла и М. Роулинсона и тех слов, которые исследователи собрали при чтении романа. Данное исследование весьма значительно, так как кроме того, что является важнейшим источником слов «надсата», оно представляет собой попытку организовать все лексемы этого арго в идеографические категории, на основании которых авторы сделали выводы касательно того факта, почему

именно определенные категории самые многочисленные. На основании всего вышеизложенного мы создали совсем новый список лексем «надсата», основанный на вышеупомянутых источниках, причем мы проверяли частотность употребления каждой лексемы в тексте *Заводного апельсина* (2000). Наряду с исследованием А. И. Суицу и М. Цулеу приходится упомянуть и исследование Б. Винцента и Дж. Кларка, которые на основании корпусного подхода провели анализ всех лексем «надсата», причем они выделили группы слов «надсата», описывающие способы образования лексем из слов русского языка и ряда других языков, послуживших основой искусственного арго. К сожалению, нам не удалось получить доступ к их корпусу, но, все-таки, сведения их исследования оказались весьма полезными. Дальше, в течение исследования мы опирались на идеи об «антиязыках», изложенные М. А. К. Халлидэем, поскольку его исследование оказало нам большую помощь при проведении анализа результатов и уточнении причин, по которым лишь определенные слова русского становятся лексемами «надсата». Именно его идеи, основанные на наблюдении «антиязыков» преступников в Калькутте, заключенных в Польше, нищих и бродяг в Англии елизаветинскую эпоху, помогли нам провести параллели между настоящими «антиязыками» и «антиязыком» этого литературного произведения. Самым главным элементом методологии является использование идеографической классификации, представленной в *Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики* (2007) А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, которая включает в себе 87 идеографических категорий. Данная классификация послужила основой распределения списка лексем «надсата» в идеографические категории, которые таким способом оказалось более удобно анализировать в зависимости от их значения.

1.2. Процесс исследования

В самом начале данного исследования мы из вышеупомянутых глоссариев и исследования А. И. Суицу и М. Цулеу выделили все лексемы «надсата», стараясь игнорировать те слова, которые повторяются. После того мы распределили слова в две группы: лексемы, происходящие из русского языка, и лексемы, происходящие из остальных языков. Не было смысла анализировать иноязычные лексемы, поскольку один исследователь не может провести достоверный анализ тех слов из языков, которые он не знает в достаточной мере. Следовательно, иноязычные лексемы не анализировались более подробно, но они включены в статистические данные, так как они занимают больше одной трети всех лексем «надсата». Затем мы распределили все русские и

иноязычные лексемы в идеографические категории, опираясь на классификацию А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, чтобы получить точные сведения о самых многочисленных ономасиологических категориях лексем «надсата». В конце на основании этих сведений мы могли подтвердить или опровергнуть вышеизложенные гипотезы.

1.3. Структура дипломной работы

Эта дипломная работа состоит из пяти частей. Первая часть посвящена анализу основных понятий, которые будут использоваться в течение анализа. Во второй части будет рассматриваться теория об «антиобществах» М. А. К. Халлидэя, на основании которой будет проведен анализ «надсата» как «антиязыка». Кроме этого, будет проводиться анализ структуры «надсата» на основании исследования Б. Винцента и Дж. Кларка. Главная цель четвертой части – провести семантико-ономасиологический анализ лексем «надсата» в рамках идеографических категорий Баранова и Добровольского, чтобы обнаружить какие категории самые многочисленные. В последней части обсуждается роль «надсата» в романе и его влияние на англоязычного читателя.

2. Основные понятия

2.1. Толкование понятия «надсат»

Перед входом в анализ приходится растолковать, от чего ведет свое происхождение самое понятие «надсат». Главным героем романа является пятнадцатилетний подросток Alex (в дальнейшем «Алекс»), возглавляющий банду, которая состоит из его троих друзей, Pete, Georgie и Dim (в дальнейшем «Пит», «Джорджи» и «Дим»).

Название языка, которым они пользуются, является английской транскрипцией русской морфемы «-надцать», добавляемой к основе слов для образования числительных от 11 до 19. Таким способом Берджесс придумал аналог английскому слову «teen», имеющему подобное происхождение и подобную функцию. Английская форма «teen» не только является словообразовательным суффиксом, который используется для формирования числительных от 13 до 19, но и она может употребляться в качестве имени существительного для обозначения подростка. В романе главный герой Алекс часто себя и своих друзей подросткового возраста называет «надсатами»: «It was nadsats milking and

coking and fillying around (nadsats were what we used to call the teens), but there were a few of the more starry ones, vecks and cheenas alike (but not of the bourgeois, never them) laughing and govoreeting at the bar»[1] (Burgess 2000: 22). Понятие «надсат» в романе употребляется в трех значениях: в качестве названия языка, которым пользуются подростки, для обозначения самих подростков и в качестве прилагательного, относящегося к культуре и миру молодого поколения романа. Так как главной темой этой дипломной работы является лингвистический анализ, мы будем уделять внимание только первому значению данного понятия. Следовательно, приходится сначала определить значения троих понятий, которыми мы дальше будем пользоваться: арго, жаргон и сленг.

2.2. Арго, жаргон и сленг

Вопрос определения данных трех понятий совсем спорный, потому что в «различных лингвистиках наблюдаются существенные отличия во взглядах на терминологию социальных диалектов, [и] эти вопросы не изучаются комплексно, на материале различных языков, в историческом развитии» (Юрьевна 2016: 133). Следовательно, мы попробуем проиллюстрировать проблемы, которые затрудняют четкое разделение данных терминов. Под понятием «арго» в русском языке обычно подразумевается какой-то язык воров, заключенных или других находящихся вне общества групп, потому что в XIV–XV вв. во Франции появился социолект криминальных групп, который назывался *argot*, и это слово попало в русский язык в XIX в. в значении воровского языка (Юрьевна 2016).

Проблема четкого разграничения между арго, сленгом и жаргоном состоит в том, что толкования некоторых языковедов частично или полностью пересекаются с вышеупомянутым. К примеру, Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон толкуют жаргон как «испорченное наречие, местную речь, говор (IX, 10), произношение. Ж. иногда придумывается для известной цели, напр. Ж. воров, мошенников, нищенствующих и пр.» (Брокгауз и Ефрон 1907: 724). Их толкование сближают арго и жаргон на предположении, что оба понятия обозначают язык, принадлежащий к криминальной сфере. К тому же, Брокгауз и Ефрон считают, что жаргон тоже имеет определенную цель создания, т. е.

[1] Перевод автора дипломной работы – «Надсаты пили молоко и колу и развлекались (надсатами мы называли подростков), но было и несколько более старых ребят, как взрослых мужчин, так и женщин (но не буржуев, ни в коем случае), которые смеялись и разговаривали, сидев у бара».

сокрытие предмета речи. Данное предположение подтверждает и О. С. Ахманова, которая толкует жаргон как:

> «Язык, состоящий из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяемый (обычно в устном общении) отдельной социальной группой с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности, иногда в криптолалических целях. В отличие от арго этот термин имеет пейоративное значение. *Жаргон буржуазный. Жаргон военный. Жаргон воровской*» (Ахманова 1966: 143).

Единственное упоминаемое ей отличие – отрицательный оттенок значения. Последним остается сленг, касательно которого Р. А. Спирс утверждает, что «изначально относился к быстрой манере речи преступников, всему полусекретному идиому и лексике британского преступного мира»[2] (Spears: 1981: vii). Выходит, что у многих поколений языковедов из разных стран были похожие определения вышеупомянутых понятий, которые затрудняют четкое разграничение, поэтому мы будем пользоваться толкованиями *Лингвистического энциклопедического словаря* В. Н. Ярцевой, толкующей понятие «арго» как:

> «Особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящий из произвольно избираемых видоизменённых элементов одного или нескольких естественных языков. Арго употребляется, как правило, с целью сокрытия предмета коммуникации, а также как средство обособления группы от остальной части общества» (Ярцева, эл. публ.).

Дальше, жаргон объясняется как:

> «Разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии (жаргон программистов), положения в обществе (жаргон русского дворянства в 19 в.), интересов (жаргон филателистов) или возраста (молодёжный жаргон)» (Ярцева, эл. публ.)

[2] Перевод автора дипломной работы.

Понятие «сленг» толкуется более или менее тождественно понятию «жаргон» в *Лингвистическом энциклопедическом словаре*, но оно преимущественно используется «по отношению к англоязычным странам» (Ярцева, эл. публ.). Можно вывести, что все вышеупомянутые толкования достаточно хорошо описывают понятие «надсат» по двум причинам. Во-первых, определение понятия «арго» соответствует «надсату», потому что целью «надсата» также, как и любого другого арго, является сокрытие предмета коммуникации. В русском сознании понятие «арго» чаще всего отождествляется с языком воров, бродяг и нищих, т. е. людей, находящихся вне закона и старающихся хранить личные и профессиональные дела в тайне. Так как главный герой романа является преступником и хулиганом, такую же функцию выполняет язык, которым он и его друзья пользуются. В качестве примера мы приводим эпизод, в котором Алекс разговаривает со сотрудником тюрьмы, возвращающим ему вещи при освобождении:

«I said: “Oh, I shall go home. Back to my pee and em.”

“Your–?” He didn’t get nadsat-talk at all, so I said:

“To my parents in the dear old flatblock.”

“I see,” he said»[3] (Burgess 2000: 82).

Из этого примера видно, что люди, которые не являются частью мира «надсатов», в определенной мере не могут понять значение их слов, потому что подростки не хотят, чтобы другие люди понимали их. Во-вторых, «надсат» также можно считать жаргоном, потому что он является разновидностью речи, используемой преимущественно в устном общении среди социальной группы, объединяющей людей по возрасту, т. е. среди подростков. Члены первой и второй банды, которыми возглавляет Алекс пользуются «надсатом» не только потому, что они преступники, но и потому, что они подростки.

Когда в конце романа Алекс встречает своего старого друга Пита из первой банды Алекс обнаруживает, что он полностью изменился. Пит нашел работу, поженился и не занимается незаконными делами, одним словом он повзрослел. Из-за того, что «надсат»

[3] Перевод автора дипломной работы – «Я сказал: “О, я пойду домой к маме и папе”. “К кому-?” – он вообще не понимал надсат, поэтому я сказал: “Моим родителям в милом старом многоквартирном доме”. “О, понимаю», – сказал он”».

является молодежным жаргоном, Пит больше не пользуется им, поэтому его жена, услышав странные фразы Алекса, спрашивает своего мужа:

> «“He talks funny, doesn’t he?” said this devotchka, like giggling. “This,” said Pete to the devotchka, “is an old friend. His name is Alex. May I,” he said to me, “introduce my wife?” My rot fell wide open then. “Wife?” I like gaped. “Wife wife wife? Ah no, that cannot be. Too young art thou to be married, old droog. Impossible impossible.” This devotchka who was like Pete’s wife (impossible impossible) giggled again and said to Pete: “Did you used to talk like that too?”»[4] (Burgess 2000: 138).

С тех пор как Пит стал взрослым человеком, он больше не пользуется «надсатом», а его жена, никогда не бывшая членом молодежной банды, не совсем понимает значение слов Алекса.

Следовательно, «надсат» можно считать арго благодаря его функции сокрытия предмета беседы и жаргоном благодаря тому, что им пользуются люди, объединенные возрастом. Так как сюжет романа проходит в англоязычной стране, именно Великобритании, согласно вышеупомянутым толкованиям *Лингвистического энциклопедического словаря* его можно отнести и к разряду сленга. На основе всего вышеприведенного можно сказать, что четко разграничивать понятия «арго», «жаргон» и «сленг» трудно и не входит в рамки данной дипломной работы, посвященной анализу языка литературного произведения, поэтому в дальнейшем эти термины будут употребляться в качестве синонимов.

3. «Антиобщество» и «антиязык»

3.1. Основные характеристики «антиязыка»

Кроме вышеупомянутых понятий «арго», «жаргон» и «сленг», «надсат» тоже может описаться понятием «антиязык», сформированным британским лингвистом М. А. К. Халлидэем, который исследовал арго польских заключенных, преступников в Калькутте 70-х годов прошлого века и бродяг в Англии в елизаветинскую эпоху. Перед

[4] Перевод автора дипломной работы – «“Он смешно говорит, не так ли?” – сказала эта девочка, словно хихикая. “Это, — сказал Пит девочке, — старый друг. Его зовут Алекс. Могу ли я, — сказал он мне, — представить мою жену?” Тогда мой рот широко открылся: “Жена?” – я вытаращил глаза. – “Жена, жена, жена? Ах нет, этого не может быть. Ты слишком молод, чтобы жениться, старый приятель. Невозможно невозможно”. Та девочка, которая была вроде бы жена Пита (невозможно невозможно), снова хихикнула и сказала Питу: “Ты тоже так говорил?”».

тем, как привести толкование понятия «антиязык», в первую очередь приходится объяснить понятие «антиобщесто», толкуемое Халлидэем как «общество, которое существует внутри другого общества как альтернативное. Это способ выражения сопротивления – сопротивления, которое может принимать форму пассивного симбиоза, враждебности и даже разрушения. Антиязык не только существует параллельно с антиобществом – на деле он порождается им»[5] (Halliday 1976: 570).

Есть разные виды «антиобществ» таких, как например бродяги, воры, заключенные или другие виды преступников. Кроме людей, занимающихся незаконным делом лишь для личного обогащения, «антиобществами» могут считаться даже и те политические движения, противостоящие властям определенного общества и старающиеся свергнуть существующий социальный порядок. В русской истории самым влиятельным объединением такого рода были революционеры начала 20-го века. Во время Российской империи они были своего рода «антиобществом», существовавшим лишь в качестве подполья, противостоявшего властям и старавшегося разрушить существующий порядок.

Как мы уже упомянули, любое «антиобщество» характеризуется собственным «антиязыком». Чтобы определить характеристики их «антиязыка», приходится обратить внимание на резкие изменения в русском языке, произошедшие перед Октябрьской революцией и после нее. После 1917 года дореволюционное «антиобщество» и правящее общество поменяли местами, и «антиязык» большевиков стал главным языком общества. Реформа русской орфографии, проведенная декретом Народного комиссариата по просвещению РСФСР «О введении нового правописания», стала символом наступления новой эры. Однако, новая орфография была лишь верхушкой айсберга перемен в русском языке, поскольку изменения, возникшие в доминантном языке общества, стали намного более заметными лишь после 1917 года. К этому С. И. Карцевский добавляет, что языковые изменения «последних лет не могут рассматриваться вне связи с предыдущей волной новшеств, восходящей к эпохе около 1905 г., ибо и события наших дней есть только одно из звеньев в цепи социально-политических потрясений, начало которой надо полагать около 1905 года» (Карцевский 1923: 3). Он связывает политические и языковые

[5] Перевод автора дипломной работы.

перемены дореволюционного и послереволюционного периодов в одно непрерывное целое.

Перемены в языке наблюдались преимущественно в пределах лексической системы, в рамках которой С. И. Карцевский выделяет следующие новшества: иностранные слова («пробольшевик», «контрразведка»), сложные слова («социал-изменник», «национал-большевик») и сокращения (Карцевский 1923: 65–66). Он подчеркивает, что сокращения были самыми многочисленными среди всех новых лексических единиц, и создал классификацию типов сокращений, вошедших в русский язык с 1905 года. Первым типом являются «буквенные сокращения», которые сформировались по названию начальных букв («к. р.» вместо «контрреволюционер»). Этот способ возник первым среди всех типов и был наиболее распространенным в 1905 году. С. И. Карцевский продолжает, что тот же прием формирования сокращений употреблялся и раньше, потому что таким способом образованы слова «азбука» и «алфавит» (Карцевский 1923). Далее выделяется тип «звуковых сокращений», которые образовались по начальным звукам слов («НЭП» вместо «Новая экономическая политика», «ОКА» вместо «Отдельная кавказская армия»). Такие сокращения существовали и в довоенную эпоху, но были совсем редкими («Юротат» вместо «Южно-русское общество торговли аптекарскими товарами»), но в течение войны они стали более популярными («Гау» вместо «Главное артиллерийское управление»).

Самым распространенным типом сокращений были «слоговые сокращения», образованные по начальным слогам («совнархоз» вместо «совет народного хозяйства», «Коминтерн» вместо «Коммунистический интернационал», «пролеткульт» вместо «пролетарская культура»). С. И. Карцевский утверждает, что данный тип сокращений встречался до войны («Продамет» вместо «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов»), но особенно широко распространился во время войны («главковерх» вместо «верховный главнокомандующий»). После того, как большевики пришли к власти, практически названия всех должностей и учреждений изменились по способу слоговых сокращений («Совнарком» вместо «Совет народных комиссаров»).

Вместе с вышеупомянутыми еще выделяются и «смешанные сокращения», образованные частью по слоговому, частью по звуковому способам («Опояз» вместо «Общество изучения поэтического языка», «главкоюз» вместо «главнокомандующий юго-западным фронтом»).

Последний тип сокращений называется «сложные сокращения», про которые С. И. Карцевский утверждает, что их возникновение относится ко времени большевизма и что их количество совсем великое и разнообразное («автошкола» вместо «автомобильная школа», «Главконефть» вместо «Главный нефтяной комитет», «политбюро» вместо «политическое бюро коммунистической партии»). Тот же способ формирования сокращений остался популярным до сих пор, так как многие названия нынешних учреждений сформированы именно согласно ему («Минобороны» вместо «Министерство обороны Российской Федерации», «Минюст» вместо «Министерство юстиции Российской Федерации», «Минкультуры» вместо «Министерство культуры Российской Федерации»).

На основе всего вышеприведенного можно вывести, что сокращения и стремление к лаконичности было одной из главных характеристик «антиязыка» большевиков и революционеров. Что касается причин таких изменений в языке, А. М. Селищев предполагает, что «подпольная деятельность вынуждала социалистов употреблять в речи особые слова, непонятные для других лиц» (Селищев 1928: 44). Таким образом, те, которые не знали, что именно сокращения обозначают, с трудом могли бы понять, о чем или о ком идет речь. По поводу сокращений А. М. Селищев продолжает, что конспиративная деятельность была не единственной причиной употребления сокращений, а предполагает, что важной причиной было также и «стремление к краткости терминов для предметов и явлений известных членам данной организации, часто упоминаемых в речи» (Селищев 1928: 44). По всей вероятности, такой способ передачи имен и названий часто употреблялся в письменном виде, а затем он стал использоваться в устной речи, создавая особую манеру речи, определявшую политическую принадлежность человека.

Еще одним обстоятельством, повлиявшим на употребление сокращений, по мнению А. М. Селищева, был тот факт, что многие революционные деятели «происходили из еврейской среды. А в еврейской среде издавна употребляются образования названий по начальным буквам слов. Еврейские аббревиатуры восходят к первой поре еврейской письменности. Следы их имеются в библейских книгах […]. По мнению некоторых экзегетов […], многие слова в библии представляют собой аббревиатуры» (Селищев 1928: 45). Данная теория предоставляет достаточно интересное

объяснение, потому что некоторые революционные деятели, например Л. Д. Троцкий, имели еврейские корни.

Среди приемов создания «антиязыка» главными считаются «relexicalisation» (в дальнейшем «релексикализация») и «overlexicalisation» (в дальнейшем «сверхлексикализация»). М. А. К. Халлидэй определяет «релексикализацию» как прием, по которому образуются новые понятия вместо существующих понятий языка доминантного общества (Halliday 1976). «Сверхлексикализация», наоборот, является способом, которым создаются разные варианты одного и того же слова, к примеру, в арго преступников в Калькутте насчитывается 21 слово, употреблявшееся вместо понятия «бомба», и 41 слово, использовавшееся вместо понятия «полиция» (Halliday 1976).

Не все слова языка проходят процесс «релексикализации», а выбор переосмысленных слов зависит от того, какие именно понятия имеют центральное значение для деятельности определенного «антиобщества» (Halliday 1976). К примеру, деятельность криминальных субкультур в первую очередь касается совершения преступлений, поэтому большинство слов будет относиться к названиям преступных актов, типов и положений преступников в «антиобществе», инструментов совершения преступных актов, названий представителей закона, названий жертв и т. п. В качестве примера М. А. К. Халлидэй приводит «антиобщество» бродяг елизаветинской эпохи в истории Англии, которая состояла из многих разных видов преступников, бродяг и нищих, занимавшихся попрошайничеством, кражей и другими способами приобретения денег, поэтому большая часть понятий, прошедших процесс «релексикализации», касалась преимущественно незаконных дел (Halliday 1976). К примеру, в словаре, находящемся в приложении к произведению *A Caveat or Warning for Common Cursitors* (в дальнейшем «*Предупреждение или предостережение для обычных служащих*») Томаса Хармана, главном источнике, описывающем жизнь, язык и мир преступников в Англии 16–17 вв., перечислены следующие понятия, обозначавшие определенные акты, которые занимали центральное место в их «антиобществе»: «fylche» (красть), «nyp a boung» (сделать дыру в кошельке или сумке, чтобы украсть деньги), «mill a ken» (ограбить дом), «stauling ken» (место, где можно продать похищенные товары) (Harman 1814: 65–66). Наряду с ними упоминаются и слова, обозначавшие представителей закона и виды наказания за преступление: «quier cuffin» (полицейский), «quyerkyn» (тюрьма), «tryning»

(повешение), «chattes» (виселица), «to skower the crampiringes» (носить кандалы), «to cly the gerke» (быть высеченным) (Harman 1814: 66).

Вместе с данными понятиями дается и классификация категорий бродяг и преступников внутри «антиобщества», содержащая обилие названий разных членов преступного мира: «upright man», «rogue», «wild rogue», «prigger of prancers», «counterfeit crank», «jarkman», «bawdy basket», «walking mort», «kinchin mort», «doxy/doxe» и «dell» (Halliday 1976: 571). Данные понятия были не синонимами, а это были понятия, обозначавшие разные виды преступников и бродяг. К примеру, «demander for glimmer» обозначало бродягу, преимущественно женщину, притворявшуюся, что она потеряла все имущество в пожаре, и просившую милостыню или пищу, которую она могла бы продать. Понятие «baudy basket» относилось к женщинам, которые ходили од дома к дому под видом того, что они продавали какие-то вещи, но, на самом деле, пытались украсть драгоценности. Название «doxe» обозначало женщину, потерявшую девственность с так называемым «upright man», и материально зависевшую от него. Данный и остальные вышеупомянутые виды бродяг тем или иным способом сотрудничали с бродягой по названию «upright man» (приличный человек), который пользовался уважением среди остальных членов «антиобщества». Т. Харман утверждает, что они были профессиональными ворами, которые имели власть над другим нищими и могли требовать денег или других услуг от бродяг, статусом пониже от них (Harman 1814). Более того, самое название «upright man» отражает перевернутую иерархию ценностей их «антиобщества», потому что английское прилагательное «upright» в сочетании с одушевленными существительными, обозначающими человека, например, «man» (человек) или «citizen» (гражданин), переводится на русский как «честный и законопослушный гражданин». Таким способом показывается, что самые опытные преступники были в особом почете в их «антиобществе», а значение слова «upright», предназначенного лишь для истинно законопослушных людей общества, полностью меняется. Оно сохраняет положительный оттенок, но тот оттенок имеет совсем другое значение, чем в основной части общества. Что употребляется для обозначения человека, соблюдающего закон и порядок в обществе, который должен служить в качестве примера всем остальным людям, то же самое используется по отношению к самым закоренелым преступникам.

«Антиобществу» бродяг противостояли представители закона, для которых употреблялось название «quier cuffyn». Лексема «quier/quyer», соответствующая нынешнему английскому прилагательному «queer» (1. *устар.* необыкновенный, 2. *сленг. табу. унич.* гомосексуальный), в 16-м веке имела значение «плохой» (Hotten, эл. публ.). Следовательно, выходит, что между названиями лучших представителей «антиобщества», т. е. «upright man», и представителей закона, противостоящих к ним, есть своего рода контраст «хорошее» – «плохое», или даже «добро» – «зло», в «антиязыке» бродяг. То же самое отмечается М. А. К. Халлидэем, который считает, что «во всех языках слова, звуки и структуры имеют тенденцию приобретать социальную ценность. Следует ожидать, что в антиязыке социальные ценности будут более четко выдвинуты на передний план»[6] (Halliday 1978: 166).

Что касается такого контраста, М. А. К. Халлидэй замечает, что есть сходства и в «антиобществе» польских заключенных 70-х годов прошлого века. Одной из главных характеристик данного «антиобщества» была, так называемая «грипсерка», т. е. тюремный жаргон. В их «антиобществе» также существовала социальная стратификация, в рамках которой заключенные разделялись на «ludzic» (в дальнейшем «люди») и «frajerzy» (в дальнейшем «лохи») (Halliday 1976: 572). В этой иерархии «люди» занимали намного более положительное положение, чем «лохи», потому что они были независимыми и имели власть над «лохами» (Halliday 1976). К тому же, данное «антиобщество» характеризовалось определенной социальной мобильностью, потому что заключенные могли стать либо «людьми», либо «лохами», а также у них была возможность перехода из одного сословия в другое. Одной из причин перехода в группу «лохов», может быть, тот факт, что определенный заключенный упрямо отказывался выучить «грипсерку» (Halliday 1976). Это показывает, что «антиязык» определенного «антиобщества» не только дополнительная часть, но главное условие, которое должно быть выполнено всеми желающими подниматься по его социальной лестнице.

Так как в «антиобществе» существует особенная система ценностей, наказаний и наград, которые регулируют поведение членов, можно вывести, что таким способом создается альтернативная социальная реальность. Те, которые не соблюдают правил «антиобщества», например доносят на других заключенных или отказываются выучить «грипсерку», наказываются и теряют статус в «антиобществе», а другие, соблюдающие

[6] Перевод автора дипломной работы.

правила и отказывающиеся от сотрудничества с представителями закона, пользуются уважением и авторитетом среди других членов.

Язык и общение занимают центральное место в обществе, потому что, по мнению М. А. К. Халлидэя, ими создается субъективная реальность человека: «Субъективная реальность человека создается и поддерживается посредством взаимодействия с другими, которые являются “значимыми другими” именно потому, что они выполняют эту роль. Такое взаимодействие вербальное, и оно принимает форму разговора»[7] (Halliday 1976: 574). Если язык играет роль создания субъективной реальности в обществе, то «антиязык» должен иметь подобную функцию, причем М. А. К. Халлидэй продолжает: «Антиязык является средством такой ресоциализации. Он создает альтернативную реальность, но этот процесс является не конструкцией, а реконструкцией»[8] (Halliday 1976: 575). Выходит, что «антиязык» не порождается «антиобществом», как М. А. К. Халлидэй изначально утверждает, а «антиобщество» «антиязыком».

Учитывая вышеупомянутые примеры, можно вывести, что «грипсерка» польских заключенных не только закодированный язык, т. е. орудие, которым члены «антиобщества» стараются скрыть содержание высказываемого, но и главное средство создания их альтернативной социальной реальности. В своей реальности они не лишь обычные преступники, обогащающиеся за счет законопослушных граждан и недостаточной эффективности судебной системы, а они «люди», у которых есть право иметь власть над другими преступниками, особенно «лохами». В глазах доминантного общества они, потерявши свободу, находятся на самом дне социальной иерархии, а в альтернативной реальности их «антиобщества» они пользуются величайшим уважением среди других членов криминального подполья, поскольку, как говорится, тюрьма – «школа преступности». Об этом М. А. К. Халлидэй продолжает, что статус члена польского преступного мира, либо в тюрьме, либо на свободе, в том числе и разделение на «людей» и «лохов», зависит от многих факторов таких, как возраст преступника, тяжесть преступления и тот факт, является ли человек впервые осужденным или рецидивистом (Halliday 1976).

Приходится подвести следующие итоги. Во многих обществах мира в разные периоды существовали и существуют «антиобщества», характеризующиеся своими

[7] Перевод автора дипломной работы.
[8] Перевод автора дипломной работы.

«антиязыками». Несмотря на отличия «антиобществ» среди них есть определенные сходства такие, как совместное сопротивление к властям и стремление к секретности. Такое стремление может частично привести к образованию своеобразного арго, или языка, одной из целей которого является сокрытие предмета речи. Еще более важным является тот факт, что наличие «антиязыка» в таком объединении дает возможность создать и поддерживать субъективную реальность, ценности которой отличаются от ценностей основной части общества. Понятие «антиязыка» значимое для данной дипломной работы, потому что оно окажется весьма полезным при анализе результатов исследования.

3.2. Метафоричность «антиязыка»

Одной из главных характеристик «антиязыка», которой мы до сих пор не коснулись, является его склонность к метафоризации. Впервые приходится привести толкование понятия «метафора», которое определяется в *Словаре литературоведческих терминов* как «вид тропа, в котором отдельные слова или выражения сближаются по сходству их значений или по контрасту» (Тимофеев и др. 1974 :208). Наряду с вышеупомянутым надо обратить внимание и на более современные взгляды, касающиеся лингвистического толкования метафоры, среди которых выделяется Джордж Лакофф, который считает, что метафора является пониманием и ощущением одного концепта при помощи другого (Lakoff и Johnsen 2003). Кроме Лакоффа в области современного подхода к анализу метафоры выделяется и отечественный исследователь Матеусз-Милан Станоевич, который толкует метафору как один из когнитивных процессов создания значения, на основании которого человек связывает две концептуальные области, исходную и целевую область (Stanojević 2013).

В качестве примера М. А. К. Халлидэй приводит несколько выражений из «антиязыка» преступников в Калькутте, обозначающих лиц женского пола. Понятие «sāinbord-olā» (замужняя женщина) состоит из части «sāinbord», транскрипции английского слова «signboard» (табличка), указывающей на красную точку из киновари на лбу замужней женщины, и слова «olā» (владелец) (Halliday 1976: 578). Наряду с этим понятием появляется и слово «kācā-kalā» (молодая девушка), которое можно пословно перевести на русский как «незрелый банан». Таким способом молодая девушка сравнивается с незрелыми фруктами на основании близости значений юности и незрелости. Далее, еще одним примером является понятие «ḍabal-ḍekār» (упитанная

девушка), являющееся транскрипцией английского слова «double-decker». В данном случае происходит сравнение упитанной женщины с двухэтажным автобусом, название которого пришло из английского языка. Так как можно предположить, что подавляющее большинство членов «антиобщества» преступников в Калькутте составляли именно мужчины, не удивляет тот факт, что их «антиязык» настолько плодотворный относительно названий слов, обозначающих лиц женского пола, которых, как М. А. К. Халлидэй утверждает, насчитывается даже 24 (Halliday 1976).

Следовательно, можно предположить, что метафора является важным элементов формирования «антиязыка», потому что «антиязык» представляет собой метафору повседневного языка. Близость и контраст их значений лежат в основе метафоризации. Так как польское общество полностью противостоит «антиобществу» польских преступников, «антиязык» данного «антиобщества» совсем противоположный языку доминантного общества, как мы уже показали на примере «людей» и «лохов». Касательно данного предположения М. А. К. Халлидэй утверждает: «”Антиобщество” по своей структуре является метафорой общества. Оба сходятся на уровне социальной системы. Точно так же антиязык является метафорой языка, и они сходятся на уровне социальной семиотики» [9] (Halliday 1976: 578). Метафоризация – часть не только «антиязыка», но и любого языка в мире, потому что многие слова и выражения изначально были метафорами, но их происхождение забыто на протяжении веков. В качестве главного отличия между языком и «антиязыком» М. А. К. Халлидэй приводит следующее:

> «То, что отличает “антиязык”, это то, что он сам является метафорической сущностью, и, следовательно, метафорические способы выражения являются нормой. Мы должны ожидать, что метафорические соединения, метатезы, рифмованные чередования и тому подобное будут среди его регулярных моделей реализации[10]» (Halliday 1976: 579).

Следовательно, «антиобщество» можно считать своего рода метафорой главного общества, а «антиязык» метафорой доминантного языка данного общества.

[9] Перевод автора дипломной работы
[10] Перевод автора дипломной работы

3.3. Состав «надсата»

Ответ на вопрос «Из чего состоит “надсат”?» дается в романе, когда доктора Бродский и Браном разговаривают с Алексом после применения метода Лудовико:

> «“Quaint,” said Dr. Brodsky, like smiling, “the dialect of the tribe. Do you know anything of its provenance, Branom?” “Odd bits of old rhyming slang,” said Dr. Branom, who did not look quite so much like a friend any more. “A bit of gipsy talk, too. But most of the roots are Slav. Propaganda. Subliminal penetration” [11] (Burgess 2000: 86).

Хотя этот параграф является единой попыткой объяснения происхождения «надсата» в романе, он не совсем удовлетворительно описывает структуру самого арго. Слова русского происхождения наиболее многочисленные, но слов цыганского языка практически нет (Evans 1971). По той причине впервые надо обратиться к исследованиям арго и попыткам анализа его структуры. Вопреки желанию и протестам Э. Берджесса многие издания его романа печатались вместе со словарем «надсата» (Burgess 2000). Первый такой глоссарий появился в американском издании романа из 1963-го г., а его автором был литературный критик Стэнли Хайман. Главные проблемы состояли в том, что С. Хайман не имел поддержки автора романа, не владел русским языком, и поэтому ему пришлось догадываться о происхождении слов «надсата» (Vincent и Clarke, эл. публ.). К тому же, его недостаточная ознакомленность с британским сленгом заставила его неправильно определять сленговые слова такие, как *sod* (*сленг пренебр. оскорб*. название для человека, особенно неприятного мужчины), *snuff it* (*прост. сниж*. умереть), *rozz* (*сленг* полицейский) (Vincent и Clarke, эл. публ.). Таким образом, он создал не совсем верный словарь языка.

От первого глоссария до сих пор появилось еще несколько словарей, находящихся в Интернете или в составе разных изданий романа. Конечно, невозможно оценивать все последующие словари на основании одного, но мы предполагаем, что теперь есть более надежные средства для лексического анализа, например такие, как корпусные источники. Следовательно, стоит обратить внимание на научную статью Б. Винцента и Дж. Кларка, которые исследовали сленг «надсат» корпусным подходом.

[11]Перевод автора дипломной работы - «Странно, — сказал доктор Бродский, словно улыбаясь, — диалект племени. Ты знаешь что-нибудь о его происхождении, Браном?» «Странные кусочки старого рифмованного сленга», — сказал доктор Браном, который уже не был похож на друга. «Тоже и немного цыганского языка, но большинство корней славянские. Пропаганда. Подсознательное внедрение».

Авторы статьи решили с помощью платформы Sketch Engine, программного обеспечения для управления корпусом и анализа текста, создать корпус, состоящий из всего текста *Заводного апельсина*, на основе которого они проверяли частотность и количество всех элементов «надсата».

Они выделили семь групп слов и выражений, творящих лексическую систему «надсата»: ‘core’ Nadsat (в дальнейшем: «основные слова “надсата”»), babytalk (в дальнейшем «лепетная речь»), rhyming slang (в дальнейшем «рифмованный сленг»), archaisms (в дальнейшем «архаизмы»), truncated items (в дальнейшем «усеченные слова»), compounds (в дальнейшем «сложные слова») и wordplay (в дальнейшем «игра слов») (Vincent и Clarke, эл. публ.). Группа основных слов «надсата» является самой большой, и она состоит из 218 лексем, подавляющее большинство которых слова русского происхождения, к примеру *ittying/ittied* (идти), *bolshy* (большой), *droog* (друг), *cal* (кал), *krovvy* (кровь), *gulliver* (голова). Кроме слов русского происхождения в этот разряд тоже входит и невеликое количество слов из разных других языков.

Разряд выражений лепетной речи, составляя лишь 10 слов, является более маленькой из вышеупомянутых категорий, и к ней относятся слова наподобие таких, как *eggiweg* (яйцо), *purplewurple* (фиолетовый), *malchickiwick* (мальчик).

Дальше, *Британника* толкует понятие «рифмованный сленг» как особое явление, из которого развился кодированный язык, или арго, присущий уроженцам восточной части Лондона (Jacot de Boinod 2023, эл. публ.). Сленг отличается своей зашифрованностью, потому что даже и носители английского языка, не знакомые с кокни, с трудом пытаются понять его значение. Согласно популярному объяснению, предполагается, что причина в этом историческая – во время возникновения сленга большинство жителей восточной части Лондона принадлежало к низшим слоям общества, а некоторые из них даже занимались незаконным делом. Те люди должны были общаться каким-то способом, чтобы другие люди, особенно представители закона, не могли понять значение их слов. Однако, исходя из теории М. А. К. Халлидэя, также можно предположить, что те люди были своего рода «антиобществом», а главная роль их рифмованного сленга была не сокрытие предмета речи от представителей закона и посторонних людей, а именно создание их альтернативной реальности и поддерживание социальной иерархии.

Сейчас мы попробуем проиллюстрировать, каким способом творится рифмованный сленг кокни. Его носители используют устойчивое выражение «Turkish bath» (турецкая баня) в значении слова «laugh» (слово «laugh», т. е. смех, происходит из британского фразеологизма из разговорной речи «You're having a laugh/Are you having a laugh», которым говорящий обозначает, что какое-то предложение совсем неприемлемое или неразумное), потому что слова «bath» и «laugh» рифмуются. Часто из рифмованного сленга опускается именно рифмующееся слово, чтобы содержание высказывания осталось понятным только тем, которые владеют кокни. На практике это выглядит так – «Are you having a Turkish?» (Ты что, шутишь?). Сходно результатам исследования Б. Винцента и Дж. Кларка в тексте *Заводного апельсина* насчитывается только 5 примеров рифмованного сленга: *pretty polly* (рифмуется со словом «lolly», в значении «деньги»), *luscious glory* (рифмуется со словосочетанием «upper storey», в значении «волосы»), *twenty-to-one* (рифмуется со словом «fun», в значении «забава»), *hound-and-horny* (рифмуется со словом «corny», в значении «банальный») и *sharp* («sharp and blunt» рифмуется со словом «cunt», в значении *обсц.* женский половой орган*)*.

Кроме этих групп выделяется и категория архаизмов, которая насчитывает 36 архаичных форм, к примеру *thou/thee/thy* (ты/твой), *redding* (краснеть). Вместе с ними можно упомянуть и сложные слова, к которым относятся не только слова, состоящие из английских слов такие, как *ultra-violent* (ультранасильный), но и слова, состоящие из одного исконного русского и одного английского слова, например *krovvy-dripping* (из которых льется кровь).

Далее, имеется группа, состоящая из 20 усеченных слов, к примеру *sinny* («cinema», т. е. кинозал), *guff* («guffaw», т. е. хохот/хохотать). Вместе с ними появляются и усеченные слова русского происхождения, из которых выделяются *veck* (человек) и *chasso* (часовой). В последнюю группу лексической системы «надсата» входят слова английского, изменившиеся разными креативными способами. Некоторые слова получили другой суффикс (*appetitish* вместо «appetizing», т. е. аппетитный), другие употребляются в качестве другой части речи (*blueing* вместо «making blue», т. е. делать синим). Такими же способами изменяются и исконные слова «надсата», потому что многие слова русского языка, принадлежащие только одной части речи, в «надсате» появляются в совсем другой части речи или в нескольких частях, к примеру слово

«кровь» является только существительным в русском, но в «надсате» лексема «krovvy» используется в качестве существительного, прилагательного и глагола.

Как и в любом языке, тем более и в «антиязыке», некоторые слова возникли как метафорические выражения. К примеру, когда описывается эпизод, в котором Алекс и его друзья грабят магазин, он упоминает, что им удалось сбежать с *till's guts* (кишки кассы), имея в виду деньги, находящиеся в кассе (Burgess 2000: 3). Выходит, что слово «кишки» в «надсате» обозначает что-нибудь, что находится внутри какого-нибудь предмета, поскольку Алекс еще раз употребляет это слово при вандализации машины, когда он и его друзья вырвали *seats' guts* (кишки сидений) (Burgess 2000: 21). Наряду с этими еще есть некоторые примеры особого способа формирования. К примеру, *lewdies* (люди) является словом, транскрибированным таким способом, чтобы в английском языке имело каламбурное значение, поскольку прилагательное «lewd» значит «непристойный» или «развратный». Еще надо упомянуть и транскрипцию наречия «хорошо», которое в «надсате» принимает форму *horrorshow* (шоу ужасов). Данный пример немного напоминает предположение из предыдущей части данной дипломной работы, которое объясняет, что ценности «антиобщества» и основной части общества противоположные, поскольку то, что общество считает неприемлемым и плохим, в «антиобществе» то же самое в большом почете. Следовательно, ужасы и насилие, которые являются самым большим увлечением Алекса и его друзей, в «надсате» служат в качестве синонима наречия «хорошо».

Приходится подвести итоги вышеизложенного. В рамках арго романа выделяется семь групп, среди которых слова из русского самые многочисленные. Хотя подавляющее большинство лексем «надсата» является словами, происходящими из русского, невозможно отнести все слова к группе исконных слов «надсата», а надо учитывать слова из других языков, и даже слова и выражения из английского, которые разными творческими приемами изменили свое изначальное значение или форму. Следует тоже отметить, что невеликое количество слов сформировано благодаря метафоризации и ряду других приемов.

3.4. «Надсат» как «антиязык»

В данной части дипломной работы мы попробуем проанализировать «надсат» в рамках теории об «антиязыках» М. А. К. Халлидэя. Для такого анализа приходится

впервые припомнить некоторые из выводов, сделанных в предыдущей части этой работы. Любое общество может в себе содержать «антиобщество», противостоящее ему и характеризующееся собственным «антиязыком», который выполняет важные функции в нем такие, как сокрытие предмета речи от представителей закона и, более того, создание альтернативной реальности, характеризующейся собственной социальной иерархией, правилами поведения и социальной мобильностью. Британский лингвист Роджер Фаулер говорит, что данная теория основывается на гипотезе Сепира-Уорфа, также известной как «гипотеза лингвистической относительности», которая описывает, что «определенный язык, на котором человек говорит, влияет на то, как он думает о реальности. Лингвистическая относительность находится в тесной связи с проблемами семиотического уровня, связанными с общими отношениями языка и мышления, а также с проблемами на уровне дискурса, связанными с тем, как модели использования языка в культурном контексте могут влиять на мышление»[12] (Lucy 2015).

Следовательно, внутри доминантного общества романа, воплощенного в лице законопослушных граждан и правительства, которое старается установить социальный порядок за счет свободы личности, существует «антиобщество», или даже «антиобщества» «надсатов». «Антиязык», которым подростки пользуются, создает их альтернативную реальность, в которой важную роль играет элемент «verbal competition and display» (в дальнейшем: «словесное соревнование и показ»), на основании которого заключенные в Польше могут быть сведены на уровень «лохов», если они не соблюдают правил словесного соревнования (Halliday 1976). На практике данная теория значит, что члены криминального подполья могут потерять статус в социальной иерархии, если им не удается овладеть «антиязыком», т. е. «грипсеркой» или «надсатом».

На основании выводов о словесном соревновании Либерти Кон обращает внимание на один аспект использования «надсата» в романе, именно на употребление правильного регистра для проявления власти в словесном соревновании (Kohn, эл. публ.). К этому он добавляет свою теорию о новом элементе, который он называет «performance» (в дальнейшем: «вербальная деятельность»), т. е. способность члена «антиобщества» «надсатов» употреблять соответствующий регистр и соответствующие лексико-грамматические характеристики в определенной коммуникативной ситуации (Kohn, эл. публ.). Следовательно, данная вербальная деятельность должна

[12] Перевод автора дипломной работы.

осуществляться или быть признана приемлемой так называемым «significant other» (в дальнейшем: «значимый другой»), т. е. самым влиятельным членом «антиобщества», который пользуется авторитетом среди всех других (Halliday 1976).

Значимый другой играет важную роль в «антиобществе», потому что именно он создает и поддерживает субъективную реальность путем общения с другими членами «антиобщества» и оказывания внутреннего социального давления на всех них (Halliday 1976). Его можно считать своего рода главой преступной группировки, например вышеупомянутым «upright man» в «антиобществе» нищих и бродяг в Англии.

В теории Л. Кона важное место занимают ирония и сарказм в словесном соревновании, потому что он считает, что эти приемы представляют собой «инструменты власти». Иначе говоря, лишь те, которые являются значимыми другими в определенной коммуникативной ситуации, имеют право пользоваться сарказмом и иронией, чтобы утвердить свое превосходство (Kohn, эл. публ.). Таким образом, все участвующие в определенной коммуникативной ситуации должны принимать во внимание использование правильного регистра, чтобы могли оценить, имеют ли они право употреблять иронию.

Мы попробуем проиллюстрировать эту теорию на примерах из романа. Главный герой Алекс в диалогах и как рассказчик романа преимущественно пользуется «надсатом», но время от времени он переключается на его так называемый «gentleman's goloss» (в дальнейшем: «джентльменский голос»). Можно предположить, что он очень умело пользуется регистрами, потому что, как Р. Фаулер утверждает, его язык, не имея регионального акцента или излишних грамматических ошибок, полностью характерен для людей, принадлежащих к среднему классу (Fowler 1979). Таким способом Алекс старается приспособиться любой коммуникативной ситуации. Когда общается с родителями или представителями закона, т. е. когда коммуникативная ситуация требует стандартного языка, он использует свой джентльменский голос. В любом другом случае он пользуется «надсатом».

В отличие от него языковая компетенция Дима, члена его банды, характеризующегося сниженной интеллигенцией и неграмотной речью, отстает от уровня Алекса: «“Oh,” said poor old Dim, smotting over Pete’s shoulder and going too far, like he always did, “it says here what he done to her, and there’s a picture and all. Why,” he

said, “you’re nothing but a filthy-minded old skitebird”»[13] (Burgess 2000: 7). В данном эпизоде Алекс с друзьями решили издеваться над прохожим, вышедшим из библиотеки. В речи Дима появляется грамматическая ошибка, когда он употребляет форму причастия прошедшего времени глагола «done» (сделано) вместо надлежащей формы простого прошедшего времени «did» (сделал). Таким способом показывается отсутствие грамматической компетенции Дима и, следовательно, тот факт, что его вербальная деятельность находится на совсем низком уровне, не удовлетворяющем Алекса. Его недовольство Димом обнаруживается в словах рассказчика, т. е. самого Алекса, «going too far, like he always did», которые выражают его раздражение из-за поступков Дима.

Как мы уже упомянули, «надсат» не единственный регистр в мире романа, и подростки должны уметь использовать разные регистры при общении с людьми разного возраста или социального статуса. Таким образом, употребление или отсутствие употребления «надсата» является полезным оружием в определенных ситуациях (Kohn, эл. публ.). К примеру, в том эпизоде, когда Алекс разговаривает со своим пост-коррекционным консультантом П. Р. Делтоидом, он старается употреблять лишь стандартную лексику, отдавая себе отчет в том, что в данной коммуникационной ситуации совсем неприлично использовать «надсат», поскольку арго не соответствует данной ситуации, и его употреблением Алекс не может показать свою власть перед П. Р. Делтоидом. Тем более, при случайном употреблении лексем «надсата» Алекс сразу исправляет себя: «“A rather intolerable pain in the head, brother, sir,” I said in my gentleman’s goloss. “I think it should clear by this afternoon.” […] “A cup of the old chai, sir? Tea, I mean.”»[14] (Burgess 2000: 29). В данном случае Алекс изначально обращается к П. Р. Делтоиду употреблением слова «brother» (брат), которое обычно использует по отношению к членам своей банды или к самому читателю. В последующем предложении он тоже ошибочно употребляет форму «надсата» вместо надлежащей английской формы, обозначающей понятие «чай». Выходит, что Алекс по привычке совершает вышеупомянутые ошибки, но полностью понимает, что данная коммуникативная

[13] Перевод автора дипломной работы - «Ох, — сказал бедняга Дим, смотря через плечо Пита и заходя слишком далеко, как он всегда делал, — Здесь написано, что он с ней сделал, есть фотография и все такое. Да ведь, — сказал он, — ты всего лишь грязный старый извращенец».
[14] Перевод автора дипломной работы – «Довольно невыносимая боль в голове, брат, то есть сэр, -- сказал я своим джентльменским голосом. — Думаю, к обеду, может, пройдет». […] «Чашка чая, сэр? В смысле чашку чая».

ситуация требует стандартного регистра. В одной части того же самого эпизода Алекс снова употребляет «надсат» в общении с пост-коррекционным консультантом:

> «“I’ve been doing nothing I shouldn’t, sir,” I said. “The millicents have nothing on me, brother, sir I mean.” “Cut out this clever talk about millicents,” said P. R. Deltoid very weary, but still rocking. “Just because the police have not picked you up lately doesn’t, as you very well know, mean you’ve not been up to some nastiness. There was a bit of a fight last night, wasn’t there? There was a bit of shuffling with nozhes and bike-chains and the like»[15] (Burgess 2000: 30).

Алекс употребляет слово *milicent* (полицейский) вместо соответствующего стандартного слова, из-за чего П. Р. Делтоид выражает свое недовольство с тем, что Алекс использует лексику «надсата», упрекает его, одновременно побуждая Алекса отказаться от языковых связей с молодежными уличными группировками и от насилия в целом.

Далее, показательным является и тот факт, что даже и пост-коррекционный консультант в своей речи употребляет форму *nozhes* (ножи), потому что он как человек, который работает с юными преступниками, уже имеет определенный уровень знания молодежного арго. Если так называемый «джентльменский голос» Алекса можно считать примером употребления сарказма, поскольку Алекс на самом деле лишь неискренне пользуется им, то он в данной коммуникативной ситуации старается проявить свое превосходство. Однако, результат употребления сарказма в данном случае совсем противоположный, потому что, как Либерти Кон утверждает, П. Р. Делтоид отрицает какую-либо силу сарказма Алекса в стандартном «взрослом» регистре, а сардонические титулы и стандартная грамматика, которой пользуется Алекс, не наделяют его символической силой (Kohn, эл. публ.). Алекс – преступник и носитель «антиязыка», а сила языка и сарказма в данной коммуникативной ситуации принадлежит представителю государства, т. е. П. Р. Делтоиду (Kohn, эл. публ.).

[15] Перевод автора дипломной работы - «Я не делал ничего такого, чего не следовало бы, сэр, — сказал я. — Милиционеры не имеют ко мне ни малейших претензий, брат, то есть сэр». «Не вешай мне лапшу на уши относительно милиционеров, — сказал П. Р. Делтоид, очень усталый, но все еще раскачивающийся. — То, что полиция тебя в последнее время не задерживала, не значит, как ты прекрасно знаешь, что ты не замышляешь какой-нибудь гадости. Вчера вечером произошла небольшая драка, не так ли? Была небольшая возня с ножами, велосипедными цепями и тому подобным».

Иногда употребление джентльменского голоса помогает Алексу в совершении преступлений. Одним из самых ярких примеров является тот эпизод, когда Алекс и его друзья пытаются проникнуть в дом писателя Ф. Александра, причем главный герой Алекс употребляет свой джентельменский голос, чтобы убедить жертву открыть входную дверь:

> «“Yes? Who is it?” It was a sharp’s goloss, a youngish devotchka by her sound, so I said in a very refined manner of speech, a real gentleman’s goloss: “Pardon, madam, most sorry to disturb you, but my friend and me were out for a walk, and my friend has taken bad all of a sudden with a very troublesome turn, and he is out there on the road dead out and groaning. Would you have the goodness to let me use your telephone to telephone for an ambulance?”»[16] (Burgess 2000: 17).

Благодаря использованию стандартного регистра Алекс и его друзья проникают в дом писателя Ф. Александра и его жены, сразу после чего они начинают терроризировать жильцов. Алекс, проникнув в дом, продолжает говорить на «надсате», потому что стандартный регистр, который в других коммуникативных ситуациях совсем влиятельный, ему больше не нужен.

Такая же ситуация повторяется, когда Алекс с друзьями пытаются проникнуть в дом женщины с кошками, которую Алекс затем непреднамеренно убивает: «So I pushed the old zvonock a malenky bit more urgent. I then bent down to the letter-slit and called through in a refined like goloss: “Help, madam, please. My friend has just had a funny turn on the street. Let me phone a doctor, please”»[17] (Burgess 2000: 44). Однако, в отличие от предыдущего примера в данном случае Алексу и его друзьям не получается хитрим приемом проникнуть в дом, потому что эта женщина, скорее всего, не такая доверчивая, как предыдущие жертвы, и не позволяет быть легко обманута. Таким способом проявляется функция «антиязыка» как орудия для совершения преступлений в романе.

---

[16] Перевод автора дипломной работы - «“Да? Кто это?”. Это был голос женщины, по звучанию молоденькой девочки, поэтому я сказал очень изысканной речью, настоящим джентльменским голосом: “Простите, мадам, мне очень жаль вас беспокоить, но мы с другом были на прогулке, и моему другу внезапно стало плохо. Он там на дороге – упал н лежит, стонет и встать не может. Не будете ли вы так добры позволить мне воспользоваться вашим телефоном, чтобы вызвать скорую?”».

[17] Перевод автора дипломной работы – «Поэтому я позвонил чуть настойчивей. Затем я наклонился к прорези для писем и произнес утонченным голосом: “Помогите, мадам, пожалуйста. Мой друг пострадал на улице. Позвольте мне позвонить врачу, пожалуйста”».

Кроме того, надо обратить внимание на еще один аспект использования арго. На протяжении сюжета повторяются коммуникативные ситуации, в которых определенные персонажи не употребляют надлежащий регистр или используют иронию, когда у них нет права поступать таким образом. К примеру, мы можем припомнить вышеупомянутый эпизод, когда Алекс с друзьями издеваются над прохожим, и Дим пытается использовать иронию, хотя его речь не совсем грамотная, и это приводит к плохой языковой деятельности, которая только раздражает Алекса. Л. Кон утверждает, что из-за несоответствующей языковой деятельности Алекс избивает и повреждает Дима и что это доказывает, что сарказмом и иронией могут пользоваться лишь те, имеющие власть, т. е. значимые другие (Kohn, эл. публ.). Следовательно, можно сравнить насилие, которое Алекс совершает над Димом из-за использования иронии и плохой вербальной деятельности, со внутренним давлением, применяемым значимым другим на других членов «антиобщества», потому что значимые другие поддерживают субъективную реальность «антиобщества» и отстаивают ценности «антиобщества» путем «поддерживания лингвистических кодов» (Kohn, эл. публ.). Члены «антиобщества», не овладевшие «антиязыком» в некотором смысле грозят реальности «антиобщества», так как «антиязык» является его основой. Исходя из данного предположения, можно сказать, что Дим, не овладев «антиязыком» на удовлетворительном уровне, грозит ценностям и альтернативной реальности «антиобщества» «надсатов».

На протяжении сюжета Алекс оказывается в подобном положении, когда остальные заключенные возлагают на него ответственность за убийство сокамерника в тюрьме. До того эпизода мы узнаем, что в мире *Заводного апельсина*, как и в настоящем мире, существуют разные виды молодежных жаргонов. К примеру, в эпизоде, когда Алекс разговаривает с девочками в музыкальном магазине, он описывает следующее: «“Who you getten, bratty? What biggy, what only?” These young devotchkas had their own like way of govoreeting»[18] (Burgess 2000: 34). Алекс подчеркивает, что манера речи девочек отличается от его, но, все-таки, они говорят не на стандартном английском, а на молодежном сленге. Более показательным является тот эпизод, когда Алекса посадили в тюрьму, и он знакомится с другими более серьезными преступниками, которые говорят на своем варианте «надсата»:

[18] Перевод автора дипломной работы – «“Кто нам пришел? Что он все приобрел?” У молодых девочек была своя манера говорить».

«“And at that time you couldn’t get hold of a poggy” (whatever that was, brothers), “not if you was to hand over ten million archibalds, so what do I do, eh, I goes down to Turkey’s and says I’ve got this sproog on that morrow, see, and what can he do?” It was all this very old-time real criminal’s slang he spoke» [19](Burgess 2000: 63).

Из комментариев рассказчика видно, что данный заключенный – старый преступник, который использует арго своей группировки и своего поколения. Более того, Алекс своим замечанием в скобках, не предоставляя никакого дополнительного объяснения, обнаруживает, что даже ни он сам не знает слова «poggy», «archibalds» и «sproog». Это очень значительно, потому что Алекс больше не находится на позиции силы, как раньше он находился среди своих сверстников и друзей. Здесь ему приходится приспособиться новой иерархии, в которой он является своего рода «Димом», который не владеет «антиязыком» и не имеет права пользоваться иронией.

Однако, Алексу не удается приспособится к новой среде, и поэтому он оказывается виноватым за убийство, и это происходит следующим способом. В течение его тюремного заключения в уже переполненную камеру помещают нового заключенного, который требует от Алекса его кровати на основании того, что Алекс самый младший. В результате этого возникает драка, в которой сокамерники поддерживают Алекса и избивают нового заключенного, причем Алекс наносит смертельный удар. На следующий день, когда приходится найти виноватого за убийство, каждый из сокамерников старается оправдать себя, причем видно, что ни один из них больше не использует «надсат» или любое другое криминальное арго:

«Then he said, looking round at us all: “You really shouldn’t have gone for him like that. It was most ill-advised really.” Jojohn said: “Come come, doc, you weren’t all that backward yourself in giving him a sly bit of fist.” Then Big Jew turned on me, saying: “Alekth, you were too impetuouth. That latht kick wath a very very nathty one.” I began to get razdraz about this and said: Who started it, eh? I only got in at the end, didn’t I?” I pointed at Jojohn and said: “It was your idea.” Wall snored a bit loud, so I said: “Wake that vonny bratchny up. It was him that kept on at his rot while Big Jew here had him

[19] Перевод автора дипломной работы – «А в то время ты не мог достать погги, – что бы это ни было, братцы, – даже если бы ты сдал десять миллионов арчибальдов. Так, я сходил к Турции и сказал, что завтра у меня будет тот спруг, понимаешь? Что он может сделать?» Он говорил на старом криминальном арго».

up against the bars." The Doctor said: "Nobody will deny having a little hit at the man, to teach him a lesson so to speak, but it's apparent that you, my dear boy, with the forcefulness and, shall I say, heedlessness of youth, dealt him the coo de gras. It's a great pity"»[20] (Burgess 2000: 68).

Все сокамерники пытаются приуменьшить свое участие в убийстве, поэтому все употребляют стандартный язык. Все следы криминального арго в речи Доктора, Джоджона, даже и Великого Жида, охарактеризованного дефектом речи, исчезли. Лишь Алекс продолжает пользоваться «надсатом». Из этого можно вывести, что данная коммуникативная ситуация требует официального регистра, а употребление «надсата» совсем неприлично, а также вредно, потому что, как Л. Кон утверждает, «правильный выбор регистров и синтаксическая производительность определяют власть» (Kohn, эл. публ.). Доктор употреблением формального регистра и иронии (having a little hit at the man) приуменьшает свое насилие и определяет Алекса как убийцу. Л. Кон продолжает, что его правильное переключение на формальный регистр дает ему право пользоваться иронией (Kohn, эл. публ.). Так как Алексу не удалось понять намеки на изменение социальной обстановки, он, который лишь был одним из участников в избиении сокамерника, оказывается единственным виновным за его убийство.

Конечно, невозможно утверждать, что плохая вербальная деятельность Алекса является единственной причиной негативного исхода данного эпизода, но можно предположить, что его неприличное употребление «надсата» в этом ключевом моменте обнаруживает неправильное понимание социальной иерархии «антиобщества» Алекса, которое в конце способствует развитию персонажа Алекса.

В итоге, на вышеупомянутых примерах мы показали, что «надсат» в романе играет роль «антиязыка», на основании которого члены криминальных группировок показывают власть и подчинение внутри их иерархии. К тому же, «надсат» может

[20] Перевод автора дипломной работы – «Затем он сказал, оглядывая нас всех: "На самом деле вам не следовало так нападать на него. Это было крайне опрометчиво". Джоджон сказал: "Ну-ну, Док, ты сам не уж так сдерживал себя, когда давал ему по морде". Тогда Великий Жид обратился ко мне со словами: "Алекс, ты был слишком порывист. Этот последний удар ногой был очень жесток". Я начал раздражаться по этому поводу и сказал: "Кто это начал, а? Я попал только в конце, не так ли?" Я указал на Джоджона и сказал: "Это была твоя идея". Стена громко захрапел, поэтому я сказал: "Разбуди эту вонючую сволочь. Это он продолжал бить его по морде, пока Великий Жид прижимал его к решетке". Доктор сказал: "Никто не будет отрицать, что слегка ударил того человека, чтобы, так сказать, проучить его, но очевидно, что ты, мой дорогой мальчик, с силой и, я бы сказал, неосторожностью юности, нанес ему решающий удар. Очень жаль"».

служить не только орудием совершения преступлений, но и средством, с помощью которого «антиобщества» наподобие Алекса и его друзей строят альтернативную реальность. Вместе с этим мы обнаружили, как плохая вербальная деятельность и употребление несоответствующего регистра связаны с мобильностью внутри иерархии «антиобщества».

4.1. Семантико-ономасиологический анализ «надсата»

Дальше, приходится провести семантико-ономасиологический анализ слов «надсата», чтобы определить, в каких именно идеографических категориях и в какой мере в каждой из них появляются слова «надсата». Затем нужно сделать выводы на основании результатов и теории об «антиязыках» М. А. К. Халлидэя, чтобы определить, почему именно эти идеографические категории самые многочисленные.

При этом мы опираемся на идеографическую классификацию, изложенную в *Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики* (2007) А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Данная классификация включает в себе 87 категорий, которые разделяются на более подробные подкатегории. Каждую из идеографических категорий и их подкатегорий обозначают числа, которые представляют собой сведения об основной идеографической категории и их подкатегориях и таким способом способствуют их организации. Помощью числового кода, который находится рядом с лексемой, можно легко найти подкатегорию, в которой она находится. К примеру, идеографическая категория 44. Война содержит подкатегорию 44.1. Оружие, поэтому ее элементы обозначаются следующим способом – *britva* (44.1. Оружие). Преимущество идеографической категоризации перед алфавитным порядком, который является главенствующим в организации тезаурусов, заключается в том, что идеографическая классификация проливает свет на взаимосвязь между концептами, о которых люди говорят, и словами, которые их обозначают.

В качестве основы для анализа всех лексем «надсата» использовались вышеупомянутые глоссарии С. Хайман и Э. Бисуэлла, вместе с ними и список слов «надсата», приведенный Андреей Ириной Суциу и Михаелой Цулеа, проведшие анализ «надсата» на основании идеографических категорий, которые они сами определили. Список слов «надсата», использованный в их исследовании, состоит из изданий *Заводного апельсина*, в которые включены глоссарии Эндрю Бисуэлла и Марка

Роулинсона, и к ним исследователи добавили слова, найденные ими при анализе романа (Suciu и Culea 2020).

В предыдущей части мы упомянули, что исследователи Б. Винцент и Дж. Кларк определили семь групп слов «надсата», из которых самой большой является группа основных слов «надсата», т. е. лексемы, происходящие из русского языка. Наряду с теми лексемами значительное количество слов исследуемого нами арго ведет свое происхождение из ряда других языков. Поскольку темой данной дипломной работы являются именно слова русского происхождения, в анализе все слова разделены на две группы: лексемы русского происхождения и лексемы, происходящие из всех остальных языков.

4.1.1. Слова «надсата», происходящие из русского языка

Слова «надсата», происходящие из русского языка, применяя идеографическую классификацию, можно распределить следующим образом:

1. <u>Время</u>

1.1. <u>Временная ось</u>

1.2. <u>Параметры времени</u>

1.2.1. <u>Быстрота, скорость</u>

1.2.1.1. <u>Быстро, скоро, сразу, спешно</u>

skorry (50)[21]

скорый, быстрый

1.2.1.2. <u>Долго, медленно</u>

1.2.2. <u>Количество времени</u>

minoota (6)

[21] Число в скобках обозначает частотность употребления данной лексемы в тексте *Заводного апельсина* (Burgess 2000).

минута

1.3. Выделенный временной интервал; выделенный момент времени

1.3.3. Время суток

1.3.3.4. Ночь

nochy (18)

ночь

1.3.4. Возраст

1.3.4.1. Детство, молодость

molodoy (1)

молодой

2. Пространство, место

biblio (11)

библиотека

bolshy (50)

большой

domy (6)

дом

malenky (99)

маленький

mesto (31)

место

2.1. Расстояние

2.1.1. Далеко; безгранично; высоко

2.2. Везде, всюду, все (о пространстве)

2.3. <u>В произвольном месте</u>

2.4. <u>Города, регионы, страны, континенты</u>

2.5. <u>Воображаемое, нереальное пространство</u>

2.6. <u>Хорошее место – плохое место</u>

2.7. <u>Ограниченное пространство</u>

shest (1)

барьера

2.7.1. <u>Помещение, часть помещения</u>

cantora (5)

контора

okno (1)

окно

3. <u>Движение – остановка (изменение местоположения, передвижение, перемещение; прекращение движения, отсутствие движения, стоп)</u>

3.1. <u>Движение, изменение местоположения</u>

brosat (1)

бросать

gooly (2)

гулять

itty (50)

идти

yeckate (1)

ехать

3.1.3. <u>Приход, приезд, появление</u>

privodeet (1)

приводить

3.1.4. <u>Движение, изменение местоположения</u>

ookadeet (1)

уходить

3.2. <u>Прекращение движения, отсутствие движения, стоп</u>

skvat (1)

схватить

4. <u>Количество, кванторные смыслы</u>

4.1. <u>Количественная характеристика</u>

4.1.1. <u>Неопределенное количество</u>

4.1.1.2. <u>Мало, меньшая часть, недостаточно, немного</u>

rookerful (3)

небольшое количество

4.1.2. <u>Определенное количество</u>

dva (1)

два

odin (1)

один

raz (1)

раз

tree (1)

три

4.2. <u>Кванторная характеристика</u>

5. <u>Интенсификаторы общего характера</u>

6. <u>Хорошо – плохо</u>

6.1. <u>Хорошо</u>

choodessny (1)

чудесный

dobby (1)

добрый

horrorshow (108)

хорошо

polezny (1)

полезный

zammechat (1)

замечательный

6.2. <u>Плохо</u>

grahzny (30)[22]

грязный

grazzy (4)

грязь, грязный

oozhassny (1)

ужасный

von (25)

вонь

vonny (35)

[22] Лексемы *grazzzy, grahzny, von, vonny* в первую очередь относятся к категориям человеческого восприятия нечистоты и запаха. К сожалению, таких идеографических категорий в классификации Баранова и Добровольского нет, поэтому они находятся в данной категории, поскольку категория, относящаяся к концепту плохого, включает в себе концепты беспорядка, отрицательно оцениваемых характеристик человека, плохого здоровья и плохой одежды.

вонючий

vred (1)

вред

6.3. Ни хорошо, ни плохо

7. Важность – неважность

8. Нужность – ненужность

9. Начало – конец

9.1. Начало деятельности/процесса

nachinat (1)

начинать

9.2. Конец деятельности/процесса, завершение, итог

10. Прямо – косвенно

11. Прекращение существования

12. Присутствие – отсутствие

13. Уничтожение, разрушение, порча

razrez (9)

разрезать

14. Сходство – равенство – тождество – различие

15. Новое – старое

15.1. Новое

15.2. Старое

starry (105)

старый

16. Порядок – беспорядок

16.1. Порядок

cheest (23)

чистить

16.2. Беспорядок

17. Случайность, произвольность, неожиданность

17.1. Случайность, произвольность, немотивированность

sloochat (2)

случаться

17.2. Неожиданность, внезапность

18. Истинное – ложное

19. Справедливость – несправедливость

20. Язык, речь, письмо

20.1. Говорение – молчание

20.1.1. Говорение

creech (104)

кричать

govoreet (48)

говорить

raskazz (1)

рассказ

skazat (1)

сказать

slovo (45)

слово

20.2. Письмо, текст, визуальное изображение

21. Тайна, секрет, скрытность

22. Клевета, сплетни, злословие

23. Звук, голос, тихо – громко

goloss (69)

голос

plesk (3)

плеск

zvonock (2)

звонок

zvook (2)

звук

23.1. Громко

gromky (19)

громкий

shoom (22)

шум

23.2. Тихо

24. Речевые акты

24.1. Благодарность

24.2. Пожелания; напутствие; благословение

24.3. Согласие – несогласие

24.4. Просьба, предложение

soviet (1)

совет

24.5. Обещание

24.6. Приветствие, приглашение, представление, встреча; обращение

24.7. Прощание

24.8. Проклятие

24.9. Угроза, предостережение

24.10. Оберег, опасение

24.11. Резюме

24.12. Заполнители пауз

25. Эмоциональные (психические) состояния, чувства

25.1. Радость – печаль

25.1.1. Радость, удовольствие; счастье

radosty (1)

радость

25.1.2. Смех – слезы

25.1.2.1. Смех, улыбка

smeck (75)

смех, смеяться

25.1.2.2. Плач, слезы

platch (1)

плакать, плач

25.2. Смелость – страх

25.2.2. Страх, испуг, ужас, паника

poogly (4)

испуганный

spoogy (1)

испуганный

strack (2)

страх

25.3. Желание – нежелание

25.3.1. Желание, готовность, намерение

shilarny (1)

желание

25.3.2. Нежелание, неприятие

merzky (1)

мерзкий

25.4. Заинтересованность – безразличие

25.4.1. Заинтересованность

interessovat (2)

интересовать

kopat (2)

ценить, нравиться, понимать

25.5. Стыд – отсутствие стыда

25.6. Неудовольствие, недовольство, неодобрение, злоба, злость, ярость, гнев, раздражение, возмущение, досада

25.7. Удивление

25.8. Обида

26. Мышление, сознание

26.1. Безумие, сумасшествие; глупость

bezoomny (45)

безумный

gloopy (14)

глупый

26.1.1. <u>Безумная (глупая) деятельность</u>

chepooka (1)

чепуха

26.2. <u>Разум, ум, хитрость</u>

oomny (49)

умный

rassoodock (2)

рассудок

sarky (1)

саркастичный

26.3. <u>Процесс мышления, разудьме</u>

messel (1)

мысль

26.4. <u>Мнение, аспект рассмотрения, подход</u>

27. <u>Знание – незнание, понимание – непонимание, память – забывание</u>

27.1. <u>Знание; известность, очевидность; определенность, понимание</u>

pony (7)

понимать

sobirat (1)

найти

27.2. Незнание, непонимание, неизвесность

28. Скука

29. Надежность – ненадежность, уверенность, неуверенность

30. Ошибка

31. Внимание – невнимание

32. Беспокойство, тревога

razdraz (10)

раздражаться

33. Способности – отсутствие способностей

34. Доверчивость – недоверие

35. Власть, государство, общество, политика, экономика

35.1. Власть

chasso (24)

охранник

milicent (1)

полицейский

35.2. Общественные и государрственные институты, наука, искусство

35.2.1. Религия, церковь

bogman (1)

священник

36. Общественное положение, репутация, статус

37. Гордость

38. Свобода – несвобода

39. Проступок, преступление, тюрьма

39.1. Совершать преступление, проступок

39.2. Преступник

banda (6)

банда

prestoopnick (13)

преступник

shaika (1)

шайка

39.3. Вина, доказательство вины; невиновность

39.4. Арест, суд

39.5. Наказание; тюрьма, ссылка

plenny (18)

заключенный

39.5.2. Преследование

loveted (5)

быть пойманным

39.6. Виды преступлений

39.6.2. Воровство, кража

crast (14)

красть

40. Ответственность, причастность, вовлеченность

41. Убийство

oobivat (1)

убивать

42. Казнь

43. Нравственность – безнравственность; мораль, совесть

44. Война

bitva (2)

битва

44.1. Оружие

britva (25)

бритва

nozh (14)

нож

oozy (6)

цепь

pooshka (2)

огнестрельное оружие

45. Конфликт

46. Физическое воздействие, физическое насилие

dratsing (18)

драться

tolchock (66)

избивать

46.1. Ситуация насилия

47. Доброта, безобидность, гуманность, смирение

48. Дружба – вражда

48.1. Дружба

droog (94)

друг

48.2. <u>Вражда, ненависть</u>

49. <u>Измена, предательство, коварство, подлость</u>

50. <u>Недоброжелательное, пренебрежительное отношение</u>

51. <u>Согласие</u>

52. <u>Помощь – отсутствие помощи</u>

53. <u>Выгнать, не пускать</u>

54. <u>Наказание – прощение</u>

55. <u>Свой – чужой; свое – чужое</u>

56. <u>Одиночество</u>

oddy knocky (19)

одинокий

57. <u>Контроль, отслеживание</u>

58. <u>Превосходство – отсутствие превосходства</u>

59. <u>Неуместное поведение</u>

60. <u>Человек, люди</u>

60.1. <u>Мужчина – женщина</u>

baboochka (15)

бабушка

chelloveck / veck (48 / 191)

человек

cheena (7)

женщина

dama (1)

дама

ded (1)

дедушка

devotchka (47)

девочка

lewdies (24)

люди

malchick / malchichkiwick / malchickies (51 / 4 / 1)

мальчик

moodge (9)

муж, мужчина

nadsat (15)

подросток

ptitsa (55)

девушка

soomka (1)

женщина пожилого возраста

zheena (1)

жена

60.2. <u>Внешние характеристики, внешность</u>

60.3. <u>Тело человека, части тела</u>

brooko (1)

брюхо

cluve (1)

нос

glazz / glazzy (70)

глаз

glaz-ball (1)

глаз

glazlid / glazz-lids (2 / 1)

веко

goober (5)

губа

gorlo (2)

горло

groody (15)

груди

gulliver (70)

голова

keeshkas (5)

кишки

lapa (1)

лапа

litso (77)

лицо

morder (1)

морда

mozg (2)

мозг

noga (34)

нога

ooko (7)

ухо

pletcho (17)

плечо

plott (30)

тело

rook/rooker (1 / 87)

рука

rot (90)

рот

sharries (7)

задница

shiyah (1)

шея

tally (2)

талия, пояс

voloss (4)

волосы

yahma (1)

задница

yahzick (4)

язык

zoobies (23)

зубы

60.4. <u>Физиология</u>

cal (45)

кал

krovvy (37)

кровь

nuking (1)

нюхать

sloosh (77)

слушать

60.5. <u>Беременность, деторождение</u>

60.6. <u>Группы людей, микроколлективы</u>

gruppa (1)

группа

61. <u>Персональные номинации</u>

eemya (3)

имя

nazz (1)

название, имя

61.1. <u>Бранные номинации</u>

bratchny (20)

отвратительный человек, негодяй

scoteena (3)

грубый, низкий, подлый человек

shoot (2)

наивный, недалёкий человек; тот, кого легко обмануть

61.2. <u>Номинации людей по характеру</u>

nadmenny (1)

надменный

61.3. <u>Конкретно-референтные номинации</u>

61.4. <u>Профессиональные, специальные номинации</u>

61.5. <u>Родственные номинации</u>

Brat / bratty (1 **/ 7)**

брат

61.6. <u>Этнические, национальные номинации</u>

62. <u>Пьянство – трезвость</u>

vino (2)

вино

62.1. <u>Пить, пьяный</u>

peet (30)

пить

pyahnitsa (1)

пьяница

62.2. <u>Трезвость</u>

63. <u>Наркомания</u>

64. <u>Еда, пища</u>

chai (26)

чай

kartoffel (2)

картофель

kleb (5)

хлеб

lomtick (12)

ломтик

maslo (1)

масло

moloko (20)

молоко

pishcha (13)

пища

sakar (1)

сахар

vareet (1)

варить

64.1. <u>Вкусная еда, вкусно есть</u>

sladky (2)

сладкий

65. <u>Сон, спать, сновидения, бессонница</u>

sneety (2)

сон

spatchka (2)

спать, сон

zasnoot (1)

заснуть

66. Любовь, брак, сексуальные отношения

66.1. Брак

66.2. Флирт, ухаживания

66.3. Секс

lubbilubbing (1)

заниматься сексом

pol (1)

половой акт

spat (1)

спать с кем-то

67. Жизнь, быт

jeezny (16)

жизнь

68. Смерть

69. Здоровье – болезнь

69.1. Хорошее здоровье, выздоровление

69.2. Плохое здоровье, болезнь, плохое самочувствие

bolnoy (2)

больной

kashl (21)

кашлять

70. Бедность – богатство

70.1. Бедность, отсутствие денег

70.2. Богатство, материальное благополучие

bugatty (1)

богатый

71. Деньги

deng (7)

деньги

hen-korm (1)

незначительная сумма денег

71.1. Бережливость – расточительность

71.2. Дорого – дешево

71.2.1. Дорого

dorogoy (1)

дорогой

71.3. Долги

71.4. Купля-продажа, торговля

kupet (4)

купить

72. Жадность, скупость

73. Ресурс

74. Работа – отдых

74.1. Работа – безделье

rabbit (9)

работа

rabbiter (1)

работник

74.2. Усталость – отдых

74.2.2. Отдых, развлечения, прекращение трудовой деятельности

eegra (1)

игра

75. Проблемы – отсутствие проблем, легко – тяжело

76. Успех, удача, победа – отсутствие успеха, неудача, поражение

77. Настойчивость – нерешительность

78. Судьба

79. Опасность – осторожность

80. Погода, природные явления

81. Сверхъестественное

bog (26)

бог

dook (1)

дух

82. Артефакт, вещь

collocoll (2)

колокол

gazetta (26)

газета

klootch (3)

ключ

knopka (2)

кнопка

otchkies (5)

очки

podooshka (1)

подушка

stoolies (1)

стулья

tashtook (6)

платочки

veshch (72)

вещь

82.1. Вместилище

chasha (5)

чаша

82.2. Скульптура

82.3. Транспортное средство

82.4. Игрушка

82.5. Механизм

82.6. Строение

83. Одежда, обувь

carman (19)

карман

neezhnies (1)

нижнее белье

pantalonies (2)

брюки

platties (41)

одежда

sabog (3)

сапог

shlem (5)

шлем

shlapa (1)

шляпа

toofles (6)

тапочки

83.1. Хорошая одежда; красивая, качественная и новая одежда; хорошо одетый

83.2. Плохая одежда

83.3. Голый; отсутствие одежды

nagoy (15)

нагой

84. Природа: животные, растения, камни, созвездия

84.1. Животные

korova (12)

корова

koshka (14)

кошка

kot (10)

кот

84.2. Рыбы

84.3. Насекомые

84.4. Растения

84.5. Камни

84.6. Созвездия, звезды, планеты

luna (5)

луна

85. Видимость

smot (3)

смотреть

85.1. Хорошая видимость

viddy (230)

видеть

85.2. Темнота, плохая видимость

86. Цвет, узор

87. Вещество

osoosh (1)

осушить

4.1.2. Слова «надсата», происходящие из остальных языков

Слова «надсата», происходящие из остальных языков, можно распределить следующим образом:

1. Время

1.1. Временная ось

1.2. Параметры времени

1.2.1. Быстрота, скорость

1.2.1.1. Быстро, скоро, сразу, спешно

1.2.1.2. Долго, медленно

1.2.2. Количество времени

1.3. Выделенный временной интервал; выделенный момент времени

1.3.3. Время суток

1.3.3.4. Ночь

darkmans (1)

ночь

1.3.4. Возраст

1.3.4.3. Старость

decrep (1)

человек пожилого возраста

1.3.4.1. Детство, молодость

2. Пространство, место

bootick (3)

магазин

filmdrome (2)

кинозал

flatblock (18)

многоэтажный дом

sinny (8)

кинозал

skolliwoll (3)

школа

2.1. Расстояние

2.1.1. Далеко; безгранично; высоко

2.2. Везде, всюду, все (о пространстве)

2.3. В произвольном месте

2.4. Города, регионы, страны, континенты

2.5. Воображаемое, нереальное пространство

2.6. Хорошее место – плохое место

2.6.2. Второстепенное, плохое, неизвестное место

2.7. Ограниченное пространство

vaysay (1)

туалет

2.7.1. Помещение, часть помещения

3. Движение – остановка (изменение местоположения, передвижение, перемещение; прекращение движения, отсутствие движения, стоп)

3.1. Движение, изменение местоположения

3.1.3. Приход, приезд, появление

3.1.4. Движение, изменение местоположения

bedways (1)

в кровать

3.2. Прекращение движения, отсутствие движения, стоп

4. Количество, кванторные смыслы

4.1. Количественная характеристика

4.1.1. Неопределенное количество

4.1.1.1. Много, большая часть, достаточно, слишком много

4.1.1.1.1. Увеличение, возрастание

prod (1)

производить

4.1.2. Определенное количество

4.2. Кванторная характеристика

5. Интенсификаторы общего характера

flip (5)

дикий

sammy (2)

щедрый

6. Хорошо – плохо

6.1. Хорошо

6.2. Плохо

baddiwad (1)

плохой

filly (13)

шутить с кем

hound-and-horny (4)

банальный

6.3. Ни хорошо, ни плохо

7. Важность – неважность

8. Нужность – ненужность

9. Начало – конец

9.1. Начало деятельности (процесса)

9.2. Конец деятельности (процесса), завершение, итог

10. Прямо – косвенно

11. Прекращение существования

snuff it (13)

умереть

12. Присутствие – отсутствие

12.1. Присутствие, наличие

in poison (1)

вживую

12.2. Отсутствие, исчезновение

13. Уничтожение, разрушение, порча

14. Сходство – равенство – тождество – различие

15. Новое – старое

15.1. Новое

15.2. Старое

16. Порядок – беспорядок

16.1. Порядок

16.2. Беспорядок

17. Случайность, произвольность, неожиданность

17.1. Случайность, произвольность, немотивированность

17.2. Неожиданность, внезапность

18. Истинное – ложное

19. Справедливость – несправедливость

20. Язык, речь, письмо

20.1. Говорение – молчание

20.1.1. Говорение

20.2. Письмо, текст, визуальное изображение

21. Тайна, секрет, скрытность

22. Клевета, сплетни, злословие

23. Звук, голос, тихо – громко

clop (2)

стучать

plosh (1)

плескать

skriking (1)

царапанье

splodge/splosh (1 / 3)

плескаться

23.1. Громко

horn (1)

кричать

23.2. Тихо

chumble (2)

бормотать

24. Речевые акты

24.1. Благодарность

24.2. Пожелания; напутствие; благословение

24.3. Согласие – несогласие

24.4. Просьба, предложение

24.5. Обещание

24.6. Приветствие, приглашение, представление, встреча; обращение

24.7. Прощание

24.8. Проклятие

24.9. Угроза, предостережение

24.10. Оберег, опасение

24.11. Резюме

24.12. Заполнители пауз

25. Эмоциональные (психические) состояния, чувства

fagged (5)

изнеможенный

fashed (2)

раздраженный

25.1. Радость – печаль

25.1.1. Радость, удовольствие; счастье

25.1.2. Смех – слезы

25.1.2.1. Смех, улыбка

guff (6)

хохотать

25.1.2.2. Плач, слезы

blub (1)

плакать

boohoo (8)

плакать

25.1.3. Печаль, сожаление, бессилие

appy polly loggy (2)

извините

25.2. Смелость – страх

25.2.2. Страх, испуг, ужас, паника

25.3. Желание – нежелание

25.3.1. Желание, готовность, намерение

wishest (1)

хотеть

25.3.2. Нежелание, неприятие

25.4. Заинтересованность – безразличие

25.4.1. Заинтересованность

25.5. Стыд – отсутствие стыда

25.6. Неудовольствие, недовольство, неодобрение, злоба, злость, ярость, гнев, раздражение, возмущение, досада

25.7. Удивление

25.8. Обида

up-your-piping (1)

сделать непристойный жест

26. Мышление, сознание

26.1. Безумие, сумасшествие; глупость

26.1.1. Безумная(глупая) деятельность

26.2. Разум, ум, хитрость

26.3. Процесс мышления, разудьме

26.4. Мнение, аспект рассмотрения, подход

27. Знание – незнание, понимание – непонимание, память – забывание

27.1. Знание; известность, очевидность; определенность, понимание

27.2. Незнание, непонимание, неизвесность

28. Скука

29. Надежность – ненадежность, уверенность, неуверенность

30. Ошибка

31. Внимание – невнимание

32. Беспокойство, тревога

33. Способности – отсутствие способностей

34. Доверчивость – недоверие

35. Власть, государство, общество, политика, экономика

35.1. Власть

bruiseboys (2)

охранник, полицейский

rozz (26)

полицейский

35.2. Общественные и государрственные институты, наука, искусство

warble (1)

песня

35.2.1. Религия, церковь

charles / charlie (11 / 17)

капеллан

godman (1)

священник

36. Общественное положение, репутация, статус

37. Гордость

38. Свобода – несвобода

39. Проступок, преступление, тюрьма

39.1. Совершать преступление, проступок

39.2. Преступник

39.3. Вина, доказательство вины; невиновность

39.4. Арест, суд

39.5. Наказание; тюрьма, ссылка

barry place (2)

тюрьма

staja (16)

тюрьма

39.5.2. Преследование

39.6. Виды преступлений

39.6.2. Воровство, кража

40. Ответственность, причастность, вовлеченность

41. Убийство

42. Казнь

43. Нравственность – безнравственность; мораль, совесть

44. Война

44.1. Оружие

kick-boots (1)

ботинки для ударов ногами

shlaga (1)

дубинка

45. Конфликт

46. Физическое воздействие, физическое насилие

crack (50)

сломать

fist (10)

ударять

ticklewickled (1)

задеть

twist-arm (1)

выкрутить руку

46.1. Ситуация насилия

ultra-violence (15)

изнасилование, ужасное насилие

47. Доброта, безобидность, гуманность, смирение

48. Дружба – вражда

48.1. Дружба

48.2. Вражда, ненависть

49. Измена, предательство, коварство, подлость

50. Недоброжелательное, пренебрежительное отношение

51. Согласие

52. Помощь – отсутствие помощи

53. Выгнать, не пускать

54. Наказание – прощение

55. Свой – чужой; свое – чужое

56. Одиночество

57. Контроль, отслеживание

58. Превосходство – отсутствие превосходства

59. Неуместное поведение

60. Человек, люди

60.1. Мужчина – женщина

forella (5)

женщина

lighter (56)

женщина

sharp (21)

женщина

60.2. Внешние характеристики, внешность

60.3. Тело человека, части тела

cables (2)

вены

guttiwuts (1)

кишки

luscious glory (4)

волосы

yarbles (15)

тестикулы

tick-tocker (2)

сердце

60.4. Физиология

beer-vomit (1)

рвота от употребления пива

dung (1)

испражняться

juice (1)

слезы

sicking (1)

рвать

sick up (6)

вырвать

60.5. Беременность, деторождение

60.6. Группы людей, микроколлективы

61. Персональные номинации

sophistos (2)

сложный человек

thee/thou (5 / 19)

ты

61.1. <u>Бранные номинации</u>

skitebird (1)

мерзавец

sod (7)

лопух

61.2. <u>Номинации людей по характеру</u>

eunuch jelly (1)

трус

61.3. <u>Конкретно-референтные номинации</u>

61.4. <u>Профессиональные, специальные номинации</u>

61.5. <u>Родственные номинации</u>

pee and em (9)

родители

61.6. <u>Этнические, национальные номинации</u>

yahoodies (1)

евреи

62. <u>Пьянство – трезвость</u>

scotchman (7)

виски

firegold (1)

крепкий спирт

62.1. <u>Пить, пьяный</u>

62.2. <u>Трезвость</u>

63. <u>Наркомания</u>

cancer (17)

сигареты

drencrom (3)

вид наркотика

in-the-land (1)

под воздействием наркотиков

in-the-lander (1)

человек под воздействием наркотиков

knives (7)

наркотик

snoutie (1)

табак

synthemesc (6)

вид наркотика

vellocet (2)

вид наркотика

64. <u>Еда, пища</u>

crunk (1)

есть

eggiweg (5)

яйцо

to egg away (1)

есть яйцо

jammiwam (1)

джем

mounch (1)

закуска

shive (1)

кусок

toast-crunching (1)

есть тост

64.1. Вкусная еда, вкусно есть

appetitish (1)

аппетитный

65. Сон, спать, сновидения, бессонница

66. Любовь, брак, сексуальные отношения

66.1. Брак

66.2. Флирт, ухаживания

66.3. Секс

in-out (17)

заниматься сексом

pan-handle (1)

эрекция

67. Жизнь, быт

68. Смерть

69. Здоровье – болезнь

69.1. Хорошее здоровье, выздоровление

69.2. Плохое здоровье, болезнь, плохое самочувствие

gleet (1)

симптом зппп

gon (1)

гонорея

syph (1)

сифилис

70. Бедность – богатство

70.1. Бедность, отсутствие денег

70.2. Богатство, материальное благополучие

71. Деньги

cutter (13)

деньги

golly (1)

деньги

pretty polly (15)

деньги

71.1. Бережливость – расточительность

71.2. Дорого – дешево

71.2.1. Дорого

71.3. Долги

71.4. Купля-продажа, торговля

72. Жадность, скупость

73. Ресурс

74. Работа – отдых

74.1. Работа – безделье

74.2. Усталость – отдых

74.2.2. Отдых, развлечения, прекращение трудовой деятельности

twenty-to-one (3)

забава

75. Проблемы – отсутствие проблем, легко – тяжело

76. Успех, удача, победа – отсутствие успеха, неудача, поражение

77. Настойчивость – нерешительность

78. Судьба

79. Опасность – осторожность

80. Погода, природные явления

boomaboom (1)

гроза

81. Сверхъестественное

82. Артефакт, вещь

polyclef (1)

отмычка

timps (1)

барабаны

82.1. Вместилище

tass (1)

чашка

82.2. Скульптура

82.3. Транспортное средство

espresso rapido (1)

поезд

82.4. Игрушка

82.5. Механизм

82.6. Строение

83. Одежда, обувь

maskie (6)

маска

83.1. Хорошая одежда; красивая, качественная и новая одежда; хорошо одетый

83.2. Плохая одежда

83.3. Голый; отсутствие одежды

84. Природа: животные, растения, камни, созвездия

84.1. Животные

mewler / mowler (1 / 1)

кошка

pusspot (2)

кошка

84.2. Рыбы

84.3. Насекомые

84.4. Растения

84.5. Камни

84.6. Созвездия, звезды, планеты

85. Видимость

85.1. Хорошая видимость

85.2. Темнота, плохая видимость

86. Цвет, узор

blueing (2)

делать синим

purplewurple (1)

фиолетовый

redding (1)

краснеть

87. <u>Вещество</u>

4.2. Результаты исследования

В тексте *Заводного апельсина* обнаружено 304 лексемы «надсата», среди которых 201 лексема относится к разряду лексем, происходящих из русского, а 103 к разряду лексем, происходящих из других языков.

График 1. Доля русских и иноязычных слов в «надсате»

Поскольку доля иноязычных лексем превышает одну треть совокупности слов «надсата», их невозможно игнорировать вопреки факту, что из-за незнания ряда языков, которые послужили основой арго, один исследователь не может точно определить этимологию каждой лексемы, и каким способом данное слово стало словом «надсата». Следовательно, лексемы «надсата», происходящие из остальных языков включены в статистические данные, но они не будут анализироваться более подробно.

Самой многочисленной категорией в анализе «надсата» является идеографическая категория, относящаяся к человеку, людям, которая включает в себе 58 лексем. Что касается данной категории, 16 лексем находится в подкатегории, относящейся к мужчинам и женщинам (*cheena, dama, devotchka, baboochka, nadsat, ptitsa, soomka, zheena, lewdies, chelloveck/veck, ded, malchick/malchichkiwick/malchickies, moodge – forella, lighter, sharp*), 32 лексемы находятся в подкатегории, относящейся к частям тела (*brooko, cluve, glazz/glazzy, glaz-ball, glazlid/glazz-lids, goober, gorlo, groody, gulliver, keeshkas, lapa, litso, morder, mozg, noga, ooko, pletcho, plott, rook/rooker, rot, sharries,*

shiyah, tally, voloss, yahma, yahzick, zoobies – guttiwuts, luscious glory, yarbles, tick-tocker, cables), 9 лексем находится в подкатегории, которая относится к физиологии (*krovvy, nuking, sloosh, cal – dung, sicking, sick up, juice, beer-vomit*), и одна лексема находится в подкатегории, относящейся к группам людей (*gruppa*).

Среди остальных категорий, содержащих значительное количество элементов, выделяются следующие категории: еда, пища (18 лексем), хорошо – плохо (14 лексем), персональные номинации (14 лексем), артефакт, вещь (13 лексем) и звук, голос, тихо – громко (12 лексем).

Идеографическая категория, относящаяся к еде, содержит 16 лексем в основной категории (*kartoffel, kleb, maslo, moloko, pishcha, sakar, vareet, lomtick, chai – eggiweg, jammiwam, mounch, shive, toast-crunching, crunk, to egg away*) и две лексемы в подкатегории, относящейся ко вкусной еде (*sladky – appetitish*). Дальше, категория, относящаяся к концептам хорошего и плохого, содержит 5 лексем, находящихся в подкатегории, которая относится к концепту хорошего (*dobby, horrorshow, zammechat, polezny, choodessny*), и 9 лексем, находящихся в категории, которая относится к концепту плохого (*vred, oozhassny, von, vonny, grahzny, grazzy – baddiwad, hound-and-horny, filly*), Идеографическая категория, относящаяся к персональным номинациям, содержит 4 лексемы, находящиеся в основной категории (*eemya, nazz, sophistos, thee/thou*), 5 лексем, находящихся в подкатегории, относящейся к бранным номинациям (*bratchny, scoteena, shoot – sod, skitebird*), 2 лексемы, относящиеся к номинациям людей по характеру (*nadmenny – eunuch jelly*), 2 лексемы, относящиеся к родственным номинациям (*brat/bratty – pee and em*), и одну лексему, относящуюся к этническим номинациям (*Yahoodies*). Идеографическая категория, относящаяся к артефактам и вещам, содержит в себе 11 лексем, находящихся в основной категории (*veshch, tashtook, klootch, gazetta, podooshka, collocoll, otchkies, knopka, stoolies – timps, polyclef*), 2 лексемы, находящиеся в подкатегории, которая относится к вместилищам (*chasha, tass*), и одну лексему, находящуюся в подкатегории, относящейся к транспортным средствам (*espresso rapido*). Последней из самых многочисленных категорий является категория, относящаяся к звуку и голосу, которая включает в себе 8 лексем в основной категории (*zvook, zvonock, goloss, plesk – plosh, clop, splodge/splosh, skriking*), 3 лексемы, находящиеся в подкатегории, которая относится к концепту громкого (*shoom, gromky – horn*), и одну лексему, находящуюся в подкатегории, которая относится к концепту тихого (*chumble*).

График 2. Самые многочисленные идеографические категории

Поскольку в классификации Баранова и Добровольского есть настолько много основных идеографических категорий, 46 из них не содержит ни одной лексемы «надсата».

4.3. Анализ образования лексем «надсата», происходящих из русского языка

В этой части мы, анализируя лексемы «надсата», попробуем объяснить, какими способами слова русского языка становятся словами «надсата». Самым частым приемом является именно транскрипция, т. е. передача звуков иноязычного слова при помощи букв родного языка, а в данном случае это передача звуков русского языка правилами английской фонетики, например слово «бросать» транскрибируется как лексема «надсата» *brosat*. Транскрипция в романе применяется не совсем последовательно, поскольку точная передача русских слов менее важная, чем «музыкальные особенности» слов «надсата» (Кузнецова 2020: 293). Кроме транскрипции совсем частым способом трансформации слов русского языка является усечение, т. е. образование новых слов путем сокращения, например «метро» из «метрополитен». Конечно, транскрипция и усечение не единственные способы образования лексем «надсата», а достаточно часто используются формообразующие процессы, как добавление окончаний «s», «oes» или «ies» для образования форм множественного числа, например *neezhnies*, *stoolies*, *droogs*,

otchkies, pletchoes. Остальными приемами мы более подробно будем заниматься в самом анализе, поскольку многие из них совсем своеобразные и характеризуются высоким уровнем креативности.

Начиная с категории, относящейся к одиночеству, можно упомянуть лексему *oddy knocky*, которая весьма интересна, поскольку при транскрипции слова «одинокий» оно распадается на две части, которые уподобляются английским словам «odd» (странный) и «knock» (стучать), причем данные они написаны, как будто являются частью вышеупомянутой лепетной речи.

Безусловно самой большой категорией является категория, относящаяся к человеку и людям, содержащая 45 лексем, среди которых выделяется 31 транскрибированная лексема *dama, devotchka, baboochka, zheena, chelloveck, ded, malchick, moodge*, *gruppa* (для обозначения группы людей), *brooko, glazz, goober, gorlo, groody, keeshkas, lapa, litso, morder, mozg, noga, ooko, pletcho, rooker, rot, shiyah, tally, voloss, yahzick, zoobies, krovvy, cal* (для обозначения человеческой физиологии, частей человеческого тела). Наряду с теми словами находятся и усеченные лексемы *cheena*, образовавшаяся усечением транскрибированного слова «женщина», причем звук «щ» произносится как английское «ch», *veck*, образовавшаяся усечением транскрибированного слова «человек», *sloosh*, образовавшаяся усечением транскрибированного слова «слушать». Кроме вышеприведенных слов выделяются и еще некоторые своеобразные лексемы такие, как *nadsat*, образовавшаяся транскрипцией суффикса «-надцать» и имеющая значение «подросток», *lewdies*, образовавшаяся транскрипцией слова «люди» и уподоблением английскому слову «lewd» (неприличный, развратный), *glaz-ball*, образовавшаяся сочетанием транскрибированного слова «глаз» и английского слова «ball» (шар), *glazlid*, образовавшаяся сочетанием транскрибированного слова «глаз» и английского слова «lid» (веко). Дальше, выделяются лексемы *gulliver*, образовавшаяся уподоблением транскрибированного слова «голова» английскому имени «Gulliver», *plott*, образовавшаяся транскрипцией слова «плоть» и имеющая значение «тело». Последним членом данной категории являются лексема *nuking*, образовавшаяся транскрипцией слова «нюхать» и добавлением английского причастного суффикса «-ing». Кроме того, можно упомянуть, что редукция гласных в русском может повлиять на то, как транскрибируется лексема в английский. К примеру, лексема «жена» транскрибируется как *zheena*, причем гласные «ее» указывают

на то, что произношение данного звука похожее на звук «и» в русской форме «жена». В отличие от этого можно выделить лексему *devotchka,* в который при транскрипции формы «девочка» остается лишь одна гласная «е». К тому же, можно упомянуть и добавление английского окончания «-er» к основе некоторых транскрибированных лексем, например *goober*, образовавшаяся от «губа», *rooker*, образовавшаяся от «рука», и *morder*, образовавшаяся от «морда». Таим способом автор приспосабливает русские лексемы английскому языку добавлением типичного английского окончания «-er».

В данной категории наблюдается несколько лексем, образованных путем метафоризации. К примеру, можно выделить лексему *sharries*, образовавшуюся транскрипцией слова «шары» и имеющую значение «задница», скорее всего, поскольку, ягодицы имеют круглую форму так же, как и шары. Наряду с данным словом приходится обратить внимание на лексему *yahma*, которая образовалась транскрипцией слова «яма» и сближением концептуальных областей слов «яма» и «задница» на основании схожести, поскольку «яму» и «задницу» можно представить себе как какую-то дыру на определенной поверхности. Дальше, надо упомянуть лексему *cluve*, которая образовалась транскрипцией слова «клюв» и имеет значение «нос», поскольку концептуальная область наружной части органа обоняния человека уподобляется концептуальной области выступающей части морды животного, т. е. птицы.

Еще одним интересным примером образования слова «надсата» является лексема *ptitsa*, построенная на метафорическом переносе значения, на основании которого концептуальная область женщины уподобляется области птицы. Данное явление совсем интересное, так как концептуальная метафора «женщина есть птица» совсем плодотворная даже и в хорватском языке. К примеру, Ана Васунг приводит многие примеры употребления данной метафоры такие, как «kvočka» (*перен. груб. пренеб.* болтливая, скучная женщина), «koka» (*разг. перен.* привлекательная женщина), «tuka» (*перен. пренеб.* тупая женщина), «golubica» (*перен. ласк.* употребляется как фамильярно-ласковое обращение к тому, кто любим) (Vasung 2020). Выходит, что на основании данной концептуальной метафоры в английском языке когнитивная область молодой женщины уподобляется концептуальной области птицы, из-за чего в британском сленге слово «bird» обозначает молодую женщину. Следовательно, пословным переводом слова «bird» лексема «надсата» *ptitsa* тоже обозначает молодую женщину. Что касается слова *soomka*, скорее всего, речь идет о рифмованном сленге кокни, поскольку слова «bag»

(сумка) и «hag» (*пренеб. разг.* женщина пожилого возраста) рифмуются. Таким образом, в английском языке слово «bag» употребляется вместо лексемы, обозначающей женщину пожилого возраста, и оно пословным переводом на русский превращается в *soomka* и имеет то же самое значение.

Категория, относящаяся к персональным номинациям, включает в себе четыре транскрибированные лексемы, *eemya*, *scoteena*, *nadmenny* и *brat*. Наряду с теми словами в данной категории есть и усеченная лексема *nazz*, образовавшаяся усечением транскрибированного слова «название». Дальше, приходится упомянуть лексемы *bratchny*, образовавшуюся пословным переводом слова «bastard» (1. *пренеб. бран.* внебрачный ребенок 2. оскорбительное слово для кого-то, особенно мужчины, который, по вашему мнению, был груб, неприятен или жесток) и усечением транскрибированного слова «внебрачный», *shoot*, образовавшуюся пословным переводом слова «fool» (1. *прост*. наивный, недалёкий человек; тот, кого легко обмануть; 2. придворная должность острослова и потешника) и транскрипцией слова «шут».

Категория, относящаяся ко сну и бессоннице, включает в себе одну транскрибированную лексему, *zasnoot*, и лексемы *sneety*, образовавшуюся усечением транскрибированного слова «сниться» и имеющую значение «сон», и *spatchka*, образовавшуюся добавлением суффикса «-ka» к транскрибированному слова «спать» и будущую аналогом английскому существительному «sleep» в выражении «get some sleep» (выспаться).

В рамках категории, относящейся к любви, браку и сексуальным отношениям, находится одна транскрибированная лексема, *spat*, и еще две более особенные лексемы, *pol*, образовавшаяся пословным переводом слова «sex» (1. *биол*. совокупность признаков, связанных с деторождением, различающих мужчин и женщин; 2. половой акт) и имеющая значение «половой акт», и *lubbilubbing*, которая образовалась транскрипцией слова «любить», причем лексема написана таким способом, как будто является частью слов лепетной речи.

Категории, относящиеся к деньгам и работе, включают в себе четыре транскрибированные лексемы, *deng*, *dorogoy, kupet* и *eegra*. Дальше, надо упомянуть лексемы *rabbit*, образовавшуюся транскрипцией слова «работа» и уподоблением транскрибированной формы слову «rabbit» (заяц), и *rabbiter*, которая образовалась

добавлением суффикса «-er» к лексеме *rabbit*. Кроме них в данной категории находится и лексема *hen-korm*, образовавшаяся сочетанием слова «корм» и английского слова «hen» (курица) и будущая аналогом английскому слову «chickenfeed» (*разг.* незначительная сумма денег).

В категории, относящейся к одежде и обуви, насчитывается шесть транскрибированных лексем, *carman*, *sabog*, *shlem, shlapa*, *pantalonies*, *nagoy*. Наряду с теми словами в данной категории находятся лексемы *neezhnies*, образовавшаяся сокращением транскрибированного словосочетания «нижнее белье», *platties*, образовавшаяся транскрипцией слова «плаьте» и имеющая значение «одежда», и *toofles*, образовавшаяся транскрипцией слова «туфли» и имеющая значение «тапочки».

4.4. Анализ результатов исследования

Безусловно самой большой идеографической категорией является категория, относящаяся к человеку и людям, поскольку она сама собой составляет двадцать процентов всех лексем «надсата». Среди 58 слов данной категории 10 лексем обозначает лица женского пола (*cheena, dama, devotchka, baboochka, ptitsa, soomka, zheena – forella, lighter, sharp*), 4 представляют собой лица мужского пола (*ded, malchick, chelloveck, moodge*) и 2 лексемы обозначают лица мужского или женского пола (*lewdies, nadsat*). Наряду с ними в данной категории находятся 32 лексемы, обозначающие части тела (*brooko, cluve, glazz, glaz-ball, glazlid, goober, gorlo, groody, gulliver, keeshkas, lapa, litso, morder, mozg, noga, ooko, pletcho, plott, rook, rot, sharries, shiyah, tally, voloss, yahma, yahzick, zoobies – guttiwuts, luscious glory, yarbles, tick-tocker, cables*). Дальше, можно выделить 2 лексемы, обозначающие внешние чувства (*sloosh, nuking*), и 13 разных лексем, которые не объединяются определенный признаком, *cal, krovvy, gruppa, guttiwuts, luscious glory, yarbles, tick-tocker, cables, dung, sicking, sick up, juice, beer-vomit*.

Что касается «сверхлексикализации» среди лексем, обозначающих лица женского пола, можно припомнить, что в «антиязыке» преступников в Калькутте существует даже 24 слова, обозначающих лица женского пола (Halliday 1976). Причину этому можно найти в том, что все члены банды Алекса – мужчины и подавляющее большинство появляющихся подростков в романе тоже представители мужского пола, и поэтому женщины являются частым предметом их разговоров. Если бы согласиться с данной точкой зрения, то можно предположить, что эти лексемы не полные синонимы, а они

отличаются друг от друга определенной коннотацией. Употреблением разных слов Алекс и его друзья различают молодых от старых и замужних от незамужних женщин, причем к молодым женщинам они всегда относятся как к объектам, вызывающим сексуальный интерес. А. И. Суциу и М. Цулеа считают, что: «Упоминания молодых женщин […] четко обозначают их как объекты повышенного интереса, и эти упоминания почти всегда сопровождаются сексуальными намеками, желаниями или действиями»[23] (Suciu и Culea 2020: 186). Кроме того, что лексемы, обозначающие лиц женского пола, употребляются совсем часто (209 раз на протяжении всего романа), среди лексем, обозначающих молодую женщину или девушку, наблюдается «сверхлексикализация», поскольку лексемы *cheena, dama, devotchka* и *ptitsa* используются в качестве синонимов. Наряду со «сверхлексикализацией» среди слов, обозначающих молодых девушек, то же самое явление можно найти и среди уничижительных названий для женщин пожилого возраста: *baboochka, soomka, forella, lighter, sharp*. *Baboochka* и *soomka* происходят из русского, причем первая лексема является транскрипцией слова «бабушка», а про вторую мы уже растолковали, что является частью рифмованного сленга. *Forella* имеет достаточно непрозрачную этимологию, поскольку данная лексема является транскрипцией пословного перевода слова «trout» (форель). Данная лексема несколько напоминает вышеупомянутое слово *ptitsa*, построенное на метафоре «женщины есть птицы», так как и в данном случае концептуальная область женщин уподобляется концептуальной области животных, т. е. рыб. При этом слово «trout» (1. форель 2. *разг. пренеб.* неприятная или непривлекательная женщина пожилого возраста) пословно переводится на русский в своем прямом значении и потом транскрибируется как *forella*, а употребляется в переносном значении английского слова. Лексема *sharp* тоже является продуктом рифмованного сленга, так как слово «sharp» (острый) является частью устойчивого выражения «sharp and blunt» (острый и тупой). Вторая часть этого выражения рифмуется со словом «cunt» (*обсц.* женский половой орган), поэтому не рифмующееся слово используется вместо рифмующегося. Таким способом, на основании метонимии, согласно которому название органа используется вместо названия для женщины, в «надсате» лексема *sharp* становится названием для женщины, особенно пожилого возраста. Самой неясной из вышеупомянутых лексем является *lighter*, поскольку ни один глоссариев «надсата», которыми мы пользовались, ни одно из исследований не привели точного объяснения касательно ее происхождения. Все

[23] Перевод автора дипломной работы.

источники согласны, что речь идет о женщине пожилого возраста, и некоторые из них предполагают, что лексема происходит от английского слова «blighter» (*устар. разг.* способ обращения к человеку, который вам либо неприятен, либо которого вы жалеете). Если бы согласиться с этой точкой зрения, то можно предположить, что перенос значения осуществлен на основании схожести форм «lighter» и «blighter». На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что, если женщины не привлекательны, то Алекс и его друзья относятся к ним лишь с презрением и унижением (Suciu и Culea 2020).

Очень значительной категорией являются названия для частей тела, которых насчитывается даже 32 лексемы. Главная причина, почему наблюдается непропорционально большое количество слов в данной категории, именно тот факт, что в романе очень много эпизодов физического насилия и части тела персонажей всегда являются объектом, над которым оно осуществляется. А. И. Суциу и М. Цулеа в своем исследовании делают вывод, что даже есть такое же самое количество лексем, обозначающих части тела, как и лексем, обозначающих ситуацию насилия, что свидетельствует о том, что части тела тесно связаны с насилием (Suciu и Culea 2020). Данное явление можно связать с тем предположением, что «надсат» служит в качестве фильтра между читателем и происходящим в романе насилием. Слова «надсата» для обычного английского читателя совершенно новые и в них он не имеет эмоциональной инвестиции, поэтому не станет осуждать главного героя за его преступления и дурные поступки. Касательно данного явления М. Никсон утверждает, что «to tolchock a chelloveck in the kishkas does not sound as bad as booting a man in the guts»[24] (Nixon 2011: 5).

Дальше, категория, относящаяся к преступлениям, не входит в разряд самых многочисленных категорий, поскольку она включает в себе восемь лексем (*banda, prestoopnick, shaika, plenny, loveted, crast – barry place, staja*), но она, все-таки, совсем значительна, потому что одни из главных тем *Заводного апельсина* – это преступность и насилие. Также наблюдается «сверхлексикализация» среди названий для тюрьмы, *barry place* и *staja*, и для криминальной группировки, *banda* и *shaika*. К данной группе слов можно добавить и категорию, относящуюся к власти и обществу и содержащую в себе 8

[24] Перевод автора дипломной работы – «Врезать человеку в брюхо не звучит так ужасно как ударить его в живот».

лексем (*chasso, milicent, bogman – rozz, bruiseboys, warble, charles, godman*), и категорию, относящуюся к физическому воздействию и насилию и содержащую в себе 7 лексем (*dratsing, tolchock – fist, crack, ticklewickle, ultra-violence, twist-arm*), поскольку категории преступности, насилия и закона невозможно рассматривать вне связи друга с другом. «Сверхлексикализация» тоже наблюдается среди названий для полицейских (*chasso*, *milicent*, *rozz*, *bruiseboys*), потому что данные слова употребляются в качестве синонимов. Лексемы, описывающие физическое насилие не синонимы, но они описывают разные виды физического насилия. Среди названий преступников и преступлений не наблюдается «сверхлексикализации», поскольку *prestoopnick* и *plenny* не синонимы, так как *prestoopnick* обозначает преступника на свободе, а *plenny* относится к преступнику в тюрьме, т. е. заключенному.

Последние группы, которые мы будем анализировать, – это категория, относящаяся к пьянству и трезвости и содержащая 5 лексем (*vino, pyahnitsa, peet – Scotchman, firegold*), категория, относящаяся к наркомании и содержащая 8 лексем (*synthemesc, drencrom, vellocet, cancer, snoutie, knives, in-the-lander, in-the-land*), и категория, относящаяся к деньгам и содержащая 6 лексем (*deng, hen-korm, dorogoy – cutter, golly, pretty polly*). Они весьма значительны на основании того, что жизнь и деятельность криминальных группировок часто связаны с алкоголем, наркотиками и приобретением денег. В категориях, относящихся к пьянству и наркомании, не наблюдается «сверхлексикализации», поскольку употребляются разные названия, которые представляют собой разные виды наркотиков (*synthemesc, drencrom, vellocet, knives*) и алкогольных напитков (*vino, Scotchman, firegold)*. Однако, обе категории включают в себе названия для людей, которые находятся под влиянием алкоголя (*pyahnitsa*) или наркотиков (*in-the-lander, in-the-land*). В отличие от данных в категории, относящейся к деньгам, наблюдается «сверхлексикализация», так как лексемы *deng, cutter, golly, pretty polly* используются в качестве синонимов, а лексема *hen-korm* обозначает совсем маленькую и незначительную сумму денег. Употребление пяти синонимов для обозначения одного понятия свидетельствует о том, что деньги занимают очень важное место в жизни Алекса и его друзей.

5. Роль «надсата» в романе

Многие работы уже посвящены анализу роли «надсата» в рамках романа, и многие критики, литературоведы и языковеды уже занимались феноменом «надсата». В

этой части дипломной работы мы, используя труды Р. Б. Х. Гох, Мартина Никсона, Джима Кларка, М. К. Букера, попробуем привести ответы на основные вопросы, касающиеся роли исследуемого нами «антиязыка» в романе.

Первым из этих вопросов является проблема выбора языка, который послужил основой «надсата». Иными словами, мы постараемся дать ответ на вопрос, почему Э. Берджесс решил придумать совершенно новый сленг вместо употребления существующего и почему решил использовать русский язык в качестве его основы.

Мартин Никсон объясняет, что употреблением совершенно нового арго язык *Заводного апельсина* никогда не станет устаревшим (Nixon 2011). Если бы персонажи романа говорили на настоящем молодежном сленге, то само произведением устарело бы слишком быстро, поскольку молодежный сленг всегда опирается на новые слова. Такие языки изменяются слишком быстро, причем слова и выражения устаревают в течение совсем короткого промежутка времени. Данное предположение тоже подтверждается самим Э. Берджессом, который объясняет:

> «Повествование должно было вестись молодым бандитом из будущего на его собственной версии английского языка. Частично это был сленг его группы, частично его личный идиолект. Писать книгу на сленге начала шестидесятых годов 20-го века было бессмысленно, потому что тот сленг недолговечный, как и любой другой сленг, и к тому времени, как рукопись попала бы в типографию, она уже пахнула бы лавандой» [25](Burgess 1990: 27).

Намеком на «запах лаванды» Э. Берджесс приводит свое видение неустойчивости молодежного сленга, который может устареть от времени написания романа до публикации. Следовательно, лучшим вариантом было именно создание совершенно нового вневременного арго, которое будет восприниматься последующими поколениями читателей как «лингвистически интригующим и стилистически свежим»[26] (Clarke 2017: 102).

В отличие от этого вопроса проблема выбора русского языка как основу «надсата» более спорная, поскольку мнения критиков, переводчиков и литературоведов

[25] Перевод автора дипломной работы.
[26] Перевод автора дипломной работы.

расходятся. Р. О. Эванс считает, что выбор русского не случайный, потому что «с точки зрения англо-американского читателя славянские слова косвенно обозначают коммунистическую диктатуру»[27] (Evans 1971: 409). Он основывает свою теорию на эпизоде из романа, когда доктор Браном, услышав непонятную ему манеру речи Алекса, предполагает, что появление «надсата» среди подростков связано с «пропагандой» и «подсознательным внедрением» какой-то славяноязычной страны (Burgess 2000: 86). М. К. Букер также является сторонником данной теории и выдвигает гипотезу, что одной из основных идей романа является тот факт, что «нет смысла превращать Англию в тоталитарное государство изнутри, чтобы противостоять угрозе тоталитаризма извне» (Booker 1994: 95).

В противовес гипотезе, что выбор русского обусловлен оттенком коммунизма, М. Никсон считает, что:

> «Русский язык был выбран среди других европейских языков по ряду причин. Прежде всего, языки, более тесно связанные с английским такие, как немецкий или французский, были бы слишком похожими на английский, причем читатель не мог бы полностью дистанцироваться от сюжета под влиянием языка. Все немецкие и английские слова, заимствованные автором, а также их звук и ритм, были бы знакомыми читателю, и их было бы легко расшифровать»[28] (Nixon 2011: 11).

По мнению сторонников данной теории выбор русского языка не обусловлен никакими политическими причинами или намеками на коммунистическую угрозу со стороны автора. Более того, музыкальные характеристики русского рассматриваются ими как важнейшие: «выбор пал на русский язык исключительно из-за музыкальных особенностей русского языка, потому что англизация русских слов звучит странно, придавая речи персонажей иронический эффект, и никаких политических предпосылок за этим выбором не стоит» (Кузнецова 2020: 293). С этим же мнением согласен и К. Уиндл, который тоже ставит акцент на важность музыкальных особенностей русского (Windle 1995).

[27] Перевод автора дипломной работы.
[28] Перевод автора дипломной работы.

Вопреки их утверждениям в романе есть определенные аллюзии на русское влияние на современное британское общество. Кроме вышеупомянутого эпизода с доктором Браномом можно припомнить тот эпизод, когда девочки, которых Алекс встречает в музыкальном магазине, обсуждают популярных поп-певцов: «“The Heaven Seventeen? Luke Sterne? Goggly Gogol?” And both giggled, rocking and hippy»[29] (Burgess 2000: 34). Выходит, что достаточно много популярной музыки в мире *Заводного апельсина* под влиянием русской культуры, потому что музыка, играющая в молочном баре «Корова», тоже имеет элементы русской литературы, именно фамилию главного героя романа Б. Пастернака: «And then the disc on the stereo twanged off and out (it was Johnny Zhivago, a Russky koshka, singing ‘Only Every Other Day’)»[30] (Burgess 2000: 22). Кроме популярной музыки русское влияние можно найти и в названиях улиц, потому что Алекс при обсуждении планов возможной кражи упоминает «Gagarin Street»[31] (Burgess 2000: 136).

Несмотря на то, что некоторые критики считают, что использование русского как основу «надсата» и употребление элементов русской культуры в мире *Заводного апельсина* никак не связано с предупреждением автора на «коммунистическую угрозу», все-таки, необходимо отметить, что в романе достаточно много элементов русской культуры, которые бы, скорее всего, в сознании англо-американского читателя вызвали определенный уровень подозрения. К тому же, Р. Б. Х. Гох считает, что роман произвел бы именно такое впечатление на читателей 60-х годов, потому что среди западной общественности того периода были реальные страхи от советского влияния и от того факта, что, среди англичан, тем более и американцев, может быть, есть люди, симпатизирующие коммунистам (Goh 2000). Следовательно, стоит даже и эту точку зрения принять во внимание, когда делается вывод касательно проблемы выбора русского языка как основы «надсата».

Однако, трудно утверждать, что сам Э. Берджесс предназначил, чтобы «надсат» и все русские элементы в романе служили лишь в качестве предупреждения против возможного советского влияния, поскольку он считал, что «проповедовать — не дело романиста, а его обязанность – показать» (Burgess, эл. публ.). Он настаивал на том, что

[29] Перевод автора дипломной работы – «“Небеса семнадцать? Люк Стерн? Гогли Гоголь?” – И они хихикали, покачиваясь».
[30] Перевод автора дипломной работы – «И тут пластинка на стереосистеме зазвенела и заглохла (это Джонни Живаго, русский кот, пел “Лишь каждый второй день”)».
[31] Перевод автора дипломной работа – «Улица Гагарина».

произведение искусства не может быть дидактичным, поэтому не стоит употреблять элементы русской культуры в романе или любые другие мотивы, только чтобы создать поучительную историю.

Тем более, в интервью в 1972-м году на американской телевизионной сети Си-Би-Эс Э. Берджесс, отвечая на вопрос, почему основа «надсата» именно русский язык, упоминает, что в 1961-м году он совершил поездку в Ленинград, где заметил, что в Советском Союзе были такие же проблемы с подростковым насилием, какие были и на Западе (Burgess 1972, эл. публ.). После той поездки у него, скорее всего, впервые возникла идея создать английское арго, основанное на русском. Из этого можно вывести, что у Э. Берджесса, по всей вероятности, не было намерения создать *Заводной апельсин* как произведение с политическим посылом, а можно предположить, что он использует все эти элементы, лишь чтобы создать политический фон романа, произошедший из его видения будущего, которое несколько отличается от нашей временной линии.

Следующий вопрос, которого мы коснемся, – это влияние «надсата» на восприятие сюжета англоязычным читателем. Как мы уже упомянули, одной из главных причин, почему Э. Берджесс решил придумать арго для своего романа, был именно тот факт, что он «хотел, чтобы читатель сам догадался о значении иноязычных слов по контексту, поэтому не включил в книгу глоссарий» (Михайловна 2012: 117). Все последующие словари «надсата» в составе романа были включены редакторами разных изданий книг или переводчиками. Э. Берджесс считал, что понимание *Заводного апельсина* без словаря «надсата» обычному англоязычному читателю не составит труда, так как в одном из изданий его романа написано, что «читателю потребуется не более пятнадцати страниц, чтобы освоить и начать наслаждаться выразительным языком “надсата”»[32] (Burgess 2011: 1).

Вопреки этому утверждению арго главного героя и рассказчика играл определенную роль фильтра между сюжетом и читателем. Хотя герои романа совершают всякого рода преступления такие, как грабеж, физическое насилие, изнасилование или даже убийство невинных людей, читатель не может не сочувствовать главному герою Алексу при его заключении и слишком резком наказании. В объяснении данного явления Э. Берджесс утверждает: «Надсат, русифицированная версия английского языка,

[32] Перевод автора дипломной работы.

предназначалась для уменьшения того грубого ощущения, которое мы ожидаем от порнографии. Это превращает книгу в лингвистическое приключение»[33] (Burgess, эл. публ.). Описываемый Э. Берджессом прием совсем похожий на «остранение», толкуемое В. Б. Шкловским как «не приближение значения его к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание “виденья” его, а не “узнаванья”» (Шкловский 1983: 20). Остранением, происходящим за счет употребления «надсата», Э. Берджесс защищает читателя от всего ужаса насилия, создавая своего рода фильтр между реальными событиями и тем, что понимает читатель, потому что многие слова больше не имеют того же значения, что и в обычном английском языке, поскольку «to tolchock a chelloveck in the kishkas does not sound as bad as booting a man in the guts»[34] (Nixon 2011: 5). В силу того, что это новые слова, к которым читатель не имеет предварительных эмоциональных вложений, у него не возникает таких отрицательных эмоций. Это дает возможность Берджессу позволить Алексу делать то, что он хочет, не подвергая его такому строгому осуждению со стороны читателя. Путем отсоединения эмоционального ответа на слова от их значения «надсат» создает защитный слой между актами насилия и тем, как читатель воспринимает эти действия.

Наряду с эффектом остранения всего происходящего в сюжете «надсат» и манера речи главного героя способствуют сближению читателя с ним, так как Алекс непосредственно обращается к читателю и относится к нему как к другу. Алекс, ловко относясь к читателю как к близкому приятелю, ловко использует «надсат», чтобы непосредственно повлиять на него. Этот подход не только способствует чувству товарищества, заставляя читателя чувствовать себя неотъемлемой частью его банды и субкультуры, но также заставляет читателя избегать прямо осуждать Алекса за ужасные поступки жестокости. Лингвистическое пространство, которое они разделяют, становится инклюзивной областью, объединяя тех, кто участвует. Данный аспект употребления «надсата» напоминает теорию М. А. К. Халлидэя об «антиязыках», поскольку лишь те, кто владеют им, могут быть частью «антиобщества». Среди выражений, проявляющих чувство товарищества между главным героем и читателем, выделяется «O my brothers»[35] и его варианты. Можно сказать, что «чувство соучастия с Алексом еще больше усиливается, когда он обращается к нам. Это выражение можно

[33] Перевод автора дипломной работы.
[34] Перевод автора дипломной работы – «Врезать человеку в брюхо не звучит так ужасно как ударить его в живот».
[35] Перевод автора дипломной работы – «Братцы мои».

было бы ожидать от членов движения сопротивления, и оно, таким образом, объединяет рассказчика и читателя в сопротивлении государству»[36] (Nixon 2011: 6).

В конце можно ставить акцент на самый главный аспект данного романа, т. е. наличие двух противоположных миров, мира подростков, характеризующихся языковым творчеством, воображением и индивидуальностью, и мира основной части общества, которой присущ дегуманизирующий язык (Goh 2000). В качестве наказания за все его преступления из Алекса делают хорошего человека, который не в состоянии по своему желанию совершать добрые поступки. Иными словами, его, как существа, «способного на развитие и сладость», решают того, что делает его человеком (Burgess 2000: 18). Р. Б. Х. Гох считает, что Алекс и «надсат» олицетворяют художественный импульс, творческое и освобождающее употребление языка, пока, с другой стороны, им противостоит обманчивый и бесчеловечный язык взрослых представителей власти в обществе (Goh 2000). С точки зрения романа такое явление, как «заводной апельсин», т. е. «применение механистической морали к живому организму, сочащемуся соком и сладостью», представляет угрозу человеку намного больше, чем первородный грех, который приводит его к совершению зла (Burgess 1986, эл. публ.). Против автоматизации выступает и В. Б. Шкловский, который считает, что: «Если целая сложная жизнь многих пройдет бессознательно, то эта жизнь как бы не была. И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством» (Шкловский 1983: 15). «Надсат», таким способом, проявляет определенные художественные качества, существующие в любом человеке, которые его делают человеком, а не механизмом. Следовательно, можно предположить, что Э. Берждесс имел в виду, что не стоит для какой-нибудь вышей цели уничтожить человеческую душу, свободу выбора и потенциал для творчества, бытующий в любом человеке.

6. Заключение

В данной работе мы сначала, в качестве введения в социолингвистический феномен «надсата», провели анализ и объяснили его структуру на основании корпусного метода, примененного Б. Винцентом и Дж. Кларком. После того мы, используя теорию об «антиобществах» и «антиязыках» М. А. К. Халлдиэя, на примерах из истории

[36] Перевод автора дипломной работы.

выделили характеристики «антиобществ» такие, как стремление к секретности, сопротивление к государству, наличие особой системы ценностей и субъективной реальности, создающейся и поддерживающейся за счет «антиязыка». Затем мы провели параллели между настоящими «антиобществами» и «антиобществом» *Заводного апельинса*, обнаруживая, что «антиобществом» «надсатов», как и каким-либо другим «антиобщсетвом», руководит система неписаных правил, регулирующих социальную иерархию, правила поведения и словесное соревнование. Потом в главной части данной дипломной работы мы провели семантико-ономасиологический анализ всех лексем «надсата» на основании идеографических категорий Баранова и Добровольского, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезы, изложенные в начале работы. На основании теории М. А. К. Халлидэя об «антиязыках» мы показали, что элемент сокрытия предмета речи играет важную роль в образовании слов «надсата», но не является его основной причиной, поскольку она состоит в том, что «антиобщества» стараются создать субъективную реальность путем использования «антиязыка», поэтому можно предположить, что мы опровергли первую гипотезу. Так как мы обнаружили, что среди лексем, обозначающих лица женского пола, представителей закона и деньги, наблюдается «сверхлексикализация», можно утвердить, что мы подтвердили вторую, третью и шестую гипотезы. Несмотря на то, что среди названий для наркотиков, алкоголя или людей, употребляющих алкоголь или наркотики, нет «сверхлексикализации», в рамках «надсата» существуют лексемы, обозначающие разные виды наркотиков, алкоголя и даже людей, употребляющих эти вещества. Так как эти слова весьма многочисленны, можно сделать вывод, что мы подтвердили и четвертую гипотезу. Поскольку в рамках «надсата» мы не обнаружили лексемы, обозначающие разные виды преступников, которые одновременно описывают их взаимоотношение внутри криминальной иерархии, мы можем сделать вывод, что пятую гипотезу нам не удалось подтвердить. В последней части данной дипломной работы нами рассматривалась роль «надсата» в романе и влияние наполненного непонятным русифицированным арго текста на англоязычного читателя. Мы растолковали, каким способом роман и изобретенный язык складываются в одно целое, и как тот же самый «надсат» способствует автору при выражении морали истории, которая состоит в том, что у человека должен быть выбор делать добро или зло.

7. Список использованных источников и литературы

Список источников на кириллице:

1. Ахманова, О. С. 1966. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия.
2. Баранов, А. Н. и Добровольский, Д. О. 2007. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. Москва: Мир энциклопедий Аванта+.
3. Брокгауз, Ф.А. и Ефрон, И.А. 1907. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПБ: Семеновская Типолитография.
4. Карцевский, С.И. 1923. *Язык, война и революция*. Берлин: Русское Универсальное Издательство.
5. Кузнецова, Е. В. 2020. *Функционирование молодежного сленга в оригинале романа Энтони Бёрджесса "Заводной апельсин" и его переводах на русский язык*. Тамбов: Грамота.
6. Михайловна, В. Л. 2012. *К вопросу о возможности перевода: философские и лингвистические аспекты проблемы переводимости (на материале романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин»).* в: Филология и лингвистика в современном обществе. Москва: Ваш полиграфический партнер. с. 116–121.
7. Шкловский, В. Б. 1983. *О теории прозы*. Москва: Советский писатель.
8. Селищев, А.М. 1928. *Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет 1917–1926*. Москва: Работник просвещения.
9. Тимофеев, Л.И. и др., С.В. 1974. *Словарь литературоведческих терминов.* Москва: Просвещение.
10. Юрьевна, Р.М. 2016. *Исследование арго, жаргона и сленга: вопросы терминологии*, в: Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5. Тамбов: Грамота, с. 127–134.
11. Ярцева, В.Н. 1990. *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва: Научно-редакционный совет издательства «Советская энциклопедия». Режим доступа: https://tapemark.narod.ru/les/ Дата обращения: 22 октября 2023.

Список источников на латинице:

1. Booker, M. K. 1994. *Dystopian Literature: A Theory and Research Guide*. London: Greenwood Press.

2. Burgess, A. 1990. *You've had your time: Being the second part of the confessions of Anthony Burgess*. London: Heinemann.
3. Burgess, A. 2000. *A Clockwork Orange*. London: Penguin Books.
4. Burgess, A. 2011. *A Clockwork Orange*. New York: W. W. Norton & Company.
5. Burgess, A. 1986. *A Clockwork Orange Resucked*. Режим доступа: https://thefloatinglibrary.com/2009/04/20/a-clockwork-orange-resucked/ Дата обращения: 17 января 2024.
6. Burgess, A. 1972. *An Examination of Kubrick's "A Clockwork Orange".* Camera Three. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=EYAKTYhoIkM. Дата обращения: 31 января 2024.
7. Burgess, A 1963. *A Clockwork Orange*. New York: Norton & Company.
8. Burgess, A. 2013. *A Clockwork Orange*. London: Penguin Books.
9. Clarke, J. 2017. *The Aesthetics of Anthony Burgess: Fire of Words*. London: Palgrave Macmillan.
10. Evans, R.O. 1971. *The Argot and Its Implications in Anthony Burgess' "A Clockwork Orange"*, в: Journal of Modern Literature. № 3. Bloomington: Indiana University Press, с. 406–410.
11. Fowler, R. 1979. *Anti-Language in Fiction*, в: Style. № 3. College Township: Penn State University Press, с. 259–278.
12. Goh, R. B. H. 2000. *"Clockwork" Language Reconsidered: Iconicity and Narrative in Anthony Burgess's "A Clockwork Orange".* в: Journal of Narrative Theory. № 2. Ypsilanti: Eastern Michigan University.
13. Halliday, M. A. K. 1976. *Anti-Languages*, в: American Anthropologist. № 3. Hoboken: Wiley, с. 570–584.
14. Halliday, M. A. K. 1978. *Language as Social Semiotic: The social interpretation of language and meaning*. London: Edward Arnold.
15. Harman, T. 1814. *A Caveat or Warning for Common Cursetors, Vulgarly Called Vagabonds*. London: T. Bensley.
16. Hotten, J. C. 2013. *The Slang Dictionary*. Режим доступа: https://www.gutenberg.org/cache/epub/42108/pg42108-images.html#Footnote_14_14 Дата обращения: 22 ноября 2023.
17. Jacot de Boinod, A. 2023. *Encyclopedia Britannica*. Режим доступа: https://www.britannica.com/topic/Cockney Дата обращения: 1 ноября 2023.

18. Kohn, L. 2008. *Antilanguage and a Gentleman's Goloss: Style, Register, and Entitlement to Irony in A Clockwork Orange*, в: eSharp. Issue 11: Social Engagement, Empowerment and Change. Режим доступа: https://www.gla.ac.uk/media/Media_81291_smxx.pdf Дата обращения: 30 ноября 2023.
19. Lakoff, G. и Johnsen, M. 2003. *Metaphors we live by*. London: The University of Chicago Press.
20. Lucy, J.A. 2015. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/B9780080970868520170 Дата обращения: 15 декабря 2023.
21. Nixon, M. 2011. *The use and effects of fictional argot in Anthony Burgess' A Clockwork Orange*. Режим доступа: https://zunfa.files.wordpress.com/2011/09/use-of-fictional-argot-in-a-clockwork-orange.pdf Дата обращения: 13 января 2024.
22. Spears, R.A. 1981. *Slang and euphemism: A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang and metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, and related matters*. Middle Village: Jonathan David Publishers.
23. Stanojević, M. 2013. *Konceptualna metafora: temeljni pojmovi, teorijski pristupi i metode*. Zagreb: Srednja Europa.
24. Suciu A. и Culea, M. 2020. *The Semantics of Nadsat. A Study on Language and its Functions in Defining Character – A Clockwork Orange by Anthony Burgess*. в: Folia linguistica et litteraria. № 32. Nikšić: Institut za jezik i književnost, Filološki fakultet.
25. Vasung, A. 2020. *Gender-Marked Conceptual Metaphor WOMAN IS A BIRD (Using Examples From Bulgarian and Croatian Languages)*. в: Philological Studies. № 18. Belgrade: Institute for Literature and Arts from Belgrade.
26. Vincent, B. и Clarke, J. 2017. *The language of A Clockwork Orange: A corpus stylistic approach to Nadsat*, в: Language and Literature: International Journal of Stylistics. № 3. Режим доступа: https://pure.coventry.ac.uk/ws/portalfiles/portal/11565972/The_language_of_A_Clockwork_Orange.pdf Дата обращения: 27 октября 2023.
27. Windle, K. 1995. *Two Russian Translations of A Clockwork Orange, or the Homecoming of Nadsat*. в: Canadian Slavonic Papers. № ½. Winnipeg: Canadian Association of Slavists.

Sažetak

Diplomski rad „*Nadsat“ v romane Zavodnoj apel'sin Èntoni Bërdžessa* (*Nadsat u romanu Paklena naranča Anthony Burgessa*) analizira strukturu umjetna jezika *nadsata* iz romana *A Clockwork Orange* Anthonyja Burgessa na osnovi ideografske klasifikacije Baranova i Dobrovol'skog. Cilj je ovog diplomskog rada odrediti koje su ideografske kategorije najzastupljenije tako da bi bilo moguće odrediti zašto određene riječi ruskog postaju riječima *nadsata*, na koji se način ta pretvorba odvija te s kojim ciljem. Osim navedenom klasifikacijom u istraživanju služili smo se člankom M. A. K. Hallidaya u kojem on izlaže teoriju o „antijezicima“ i „antidruštvima“ te na osnovi njegovih zaključaka proveli smo analizu rezultata istraživanja.

Ključne riječi: *nadsat*, *Paklena naranča*, Anthony Burgess, M. A. K. Halliday, „antijezik“, „antidruštvo“, A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'ski, ideografske kategorije, semantičko-onomasiološka analiza

Ключевые слова: «надсат», *Заводной апельсин*, Энтони Берджесс, М. А. К. Халлидэй, «антиязык», «антиобщество», А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, идеографические категории, семантико-ономасиологический анализ

Kratak životopis

Stjepan Glavaš rođen je 8. prosinca 1997. u Osijeku, gdje je pohađao osnovnu školu i Isusovačku klasičnu gimnaziju. Nakon završetka srednje škole upisuje studij Anglistike i Grčkog jezika i književnosti 2016. godine, a 2018. godine upisuje studij Ruskog jezika i književnosti. Poslije završetka trogodišnjeg preddiplomskog studija Anglistike 2021. godine upisuje diplomski studij Anglistike – nastavnički smjer te 2022. upisuje diplomski studij Ruskog jezika i književnosti – prevoditeljski smjer. Tijekom ljetnog semestra akademske godine 2021./2022. sudjelovao je na bilateralnoj razmjeni na Moskovskom državnom sveučilištu M. V. Lomonosov te položio je sljedeće kolegije na Fakultetu stranih jezika i regionalnih studija (*Fakul'tet inostrannyh jazykov i regionovedenija*):

- *Russian Language: Social Discussion,*
- *Russian Langauge: Difficulties of Russian Vocabulary,*
- *Russian Language: Russia in Modern Russian Cinema,*
- *Russian Language: Developing Oral and Writing Skills,*
- *Russian Language: Difficulties of Russian Grammar,*
- *World of the Russian Language*.

Od 9. rujna 2019. do 14. rujna 2019. sudjelovao je na međunarodnom festivalu ruskog jezika i kulture *Druz'ja, prekrasen naš sojuz*! u mjestu Kiten u Bugarskoj. Tijekom festivala pohađao je predavanja u sklopu radionice o geografiji i povijesti Rusije. Od 13. travnja 2023. radi u Centru za međunarodnu zaštitu Ministarstva unutarnjih poslova Republike Hrvatske kao konsekutivni prevoditelj ruskog jezika. Glavne aktivnosti i odgovornosti uključuju:

- prevođenje za vrijeme podnošenja zahtjeva za međunarodnu zaštitu,
- prevođenje za vrijeme saslušanja podnositelja zahtjeva za međunarodnu zaštitu,
- prevođenje uručenja rješenja zahtjeva za međunarodnu zaštitu,
- prevođenje za vrijeme medicinskih pregleda,
- prevođenje za vrijeme integracijskog postupka.